Речь и этикет

Валентин Евсеевич Гольдин

SHOUT
SHARE
IT

- Гольдин Валентин Евсеевич

Гольдин Валентин Евсеевич
Речь и этикет

Гольдин Валентин Евсеевич
РЕЧЬ И ЭТИКЕТ
КНИГА ДЛЯ ВНЕКЛАСНОГО ЧТЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ 7-8 КЛАССОВ

Р е ц е н з е н т ы: заведующая кафедрой русского языка Института русского языка им. А. С. Пушкина доцент А. А. А к и ш и н а; учитель русского языка и литературы З. П. Кабанова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю.
Что такое этикет.
Почет почету рознь.
О чувстве дистанции.
Соблюдаем условия.
Как ничто превращается в нечто.
О правилах приличия и дамах города N.
Вежливость.
А в языке - по другому.
Здравствуйте!
Этикетная модуляция речи.
Тон, тема и пустые разговоры.
Да-с, нет с и другие.
"Давайте и с вами говорить ты".
Знакомимся с обращениями.
Обращения меняются.
Мать и мама.
О себе и о других.
Тем, кто дочитал до конца.
Советуем прочитать.

Эта книга учит вежливой речи. В ней рассказано об этикете - системе правил поведения, принятых в обществе, о современных нормах р"сского речевого этикета.

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга рассказывает об одном из важных элементов человеческой культуры - о речевом этикете. Каждый из нас пользуется такими прекрасными "волшебными словами" русской речи, как здравствуйте, спасибо, извините, пожалуйста. Но в чем их волшебная сила? Почему они так необходимы? Над этим полезно задуматься. И только ли "волшебные слова" позволяют людям правильно выражать отношение друг к другу, делают

общение вежливым, доброжелательным?

Конечно, не только они. Стоит внимательно присмотреться к речи, как мы обнаружим в ней немало других этикетных средств, т. е. слов и оборотов речи, которые произносят, подчиняясь этикету - принятым правилам поведения. Вспомните хотя бы о русских обращениях. Да зто целое богатство, если только мы умеем правильно их употреблять! Однако все ли из нас искусны в этом?

Главная задача книги и заключается в том, чтобы помочь читателю овладеть этикетными средствами нашей речи.

Книга показывает многообразие элементов этикета, рассказывает о принципах выбора этих элементов в зависимости.от условий общения. В необходимых случаях она знакомит читателя с историей этикета и его изменениями под влиянием меняющихс общественных отношений. Вместе с тем перед автором не стояла цель дать полное описание системы речевого этикета и его истории.

Содержание этикета раскрывается в серии очерков, посвященных различным проявлениям этикетного поведения, с которыми так или иначе сталкивается школьник. Ребята общаются со сверстниками и взрослыми, наблюдают общение взрослых между собой, сами активно готовятся стать взрослыми. Они знакомятся с советской многонациональной литературой, с русской и зарубежной классикой. Все это учитывалось при выборе материала, который рассматривается в книге.

Речевой этикет тесно связан с неречевыми особенностями поведения. Так, приветствуя друг друга, мы не только говорим Здравствуйте! До свидания!, но и обмениваемся рукопожатиями, машем друг другу рукой, военные отдают честь, пионеры высоко поднимают над головой руку. Рассказывая о речевом этикете, нельзя, следовательно, забывать об этикете неречевом и вырывать речевой этикет из общей системы этикетного поведения человека, иначе в самом речевом этикете многое останется непонятным.

Вот почему в книге говорится и об этикете как целом.

Чтобы верно оценивать и тонко чувствовать этикетные особенности поведения (своего и чужого), нужно прежде всего научиться замечать их. Да, замечать! Трудность в том, что все обычное, постоянно встречающееся, даже будучи важным, как правиле реже привлекает к себе внимание, чем необычное. Это относитс и к речевому этикету, и к другим общепринятым формам поведения. Хороший способ освежить свою способность замечать - сравнение привычного нам этикетного поведения с этикетом други\ народов, а также с этикетными нормами других времен. Сравнение - основа всякого познания, и в книге мы

широко пользуемс этим приемом. Он позволяет во внешне несходных обычаях разных народов обнаружить ценнейшее общечеловеческое содержание.

Подлинно демократический характер советского этикета особенно ясно виден в сравнении с этикетными нормами обществ, построенных на угнетении одних классов другими.

Этикет - лишь одно из многочисленных средств общения, используемых людьми. Сравнение его с главным средством человеческого общения - языком позволяет лучше разобраться не только в этикете, но и в самом языке. Значит, и такое сравнение необходимо. Оно требует обращения в книге к отдельным понятиям языкознания, в том числе и к тем, которые, хотя и используютс в школе, нелегки для усвоения (например, к понятию "нулевое окончание").

Формы человеческого общения исследуются многими науками.

Специально их изучают психология и социология, без союза с которыми языкознанию трудно рассматривать язык как "важнейшее средство человеческого общения" (В. И. Ленин). В книге разъясняются и используются некоторые понятия и этих наук (в том числе развиваемое марксистской социологией понятие "социальная роль").

Первые главы книги знакомят с тем, что такое этикет, какое содержание несут этикетные знаки, как связаны с этикетом правила приличия, что такое вежливость как способ применения этикета.

Остальные главы целиком посвящены речи и речевому этикету.

Это основная часть книги. Здесь преимущественно на материале русского языка выделяются разнообразные этикетные средства, описываются особенности их использования, в отдельных случаях показывается и их история.

ЧТО ТАКОЕ ЭТИКЕТ

Люди постоянно используют предметы или действия, важные для них не сами по себе, а прежде всего той информацией, которую эти предметы или действия передают.

Например, школьный звонок. Конечно, приятно, когда у него чистый и мягкий тон, и хуже, если звонок дребезжит или пугает своей внезапно обрушивающейся на нас мощью. Но звонок в школе нужен не для того, чтобы услаждать красивыми звуками.

Он служит важным пограничным сигналом, знаком перехода от одной части школьного дня к другой: от перемены - к уроку, от урока - к перемене и т. д. Именно как знак и ценен для нас звонок, поэтому даже при нежном, мелодичном звучании он

вызовет досаду у того, кто боится предстоящего урока, а звонок самого неприятного тона будет встречен с восторгом, когда он возвещает начало урока или перемены, которых мы с нетерпением ждем.

Главное для нас в знаке-звонке - что он значит.

Знаки бывают самыми разными. С помощью одних знаков мы управляем дорожным движением; другими условными знаками общаются игроки и судьи на спортивной площадке. Знаком является школьная, военная, спортивная и всякая другая специальна форма одежды, показывающая принадлежность ее владельца к определенной группе людей: алый галстук и пионерский значок отличают юного ленинца, зеленая штормовка с эмблемой института - бойца студенческого стройотряда. Всем известны знаки химические, математические. Особой системой знаков считают и этикет.

Когда юноша кивает знакомому, поднимается навстречу входящей женщине, похлопывает по плечу приятеля, все эти действия, конечно, важны не сами по себе, не своим физическим результатом, а тем, что несут информацию, выражают отношение к тем людям, которым адресованы. Так, кивок свидетельствует о желании оставаться знакомыми; поднявшись навстречу женщине, молодой человек выразил свое уважение к ней; похлопывание по плечу - знак фамильярного отношения. Вот какое важное содержание скрывается за такими простыми к привычными действиями.

Специальный "Словарь по этике" (М., 3981) так определяет, что такое этикет: "ЭТИКЕТ (фр. etiquette - ярлык, этикетка) - совокупность правил поведения, касающихся отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)". Действительно, этикет выражается в самых разных сторонах нашего поведения. Например, этикетное значение могут иметь разнообразные движения человека, позы и положения, которые он принимает.

Сравните вежливое положение лицг-м к говорящему и совершенно невежливое - спиною к нему. В этикетных целях мы часто используем предметы (приподнятая шляпа, преподнесенные цветы...), особенности одежды (выбор праздничной, траурной или будничной одежды хорошо показыгает, как мы понимаем обстановку, как относимся к другим участникам общения). Самую важную роль в этикетном выражении отношений к людям играет наша речь. Всем известны специальные словесные формулы вежливости типа Здравствуйте! Извините, пожалуйста! Будьте любезны... Спокойной ночи!

Значит, у этикета есть словеснке (или вербальные - от лат. verbalis "словесный") и несловесные средства.

Вспомним, как в известной повести Л. И. Лагина впервые появляется перед Волькой Костыльксвым старик Хоттабыч:

- Апчхи! - оглушительно чихнул неизвестный старичок и пал ниц.Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

Словесно выраженное приветствие сочетается здесь со старинным невербальным знаком почтения и покорности - с особой этикетной позой благодарного за свое спасение джинна. В общении часто используют словесные и несловесные средства одновременно, нередко для выражения одного этикетного содержания.

Точно определить это содержание не всегда легко. Например, что означает подмигивание? Конечно, это далеко не самый изысканный из знаков этикета, а в отдельных случаях подмигнуть - значит поступить невежливо. Но тем более интересно посмотреть, для чего люди пользуются этим знаком.

В повести С. Д. Мстиславского "Грач - птица весеяпяя" есть такой эпизод. Н. Э. Бауман попадает в Лукьяновскую тюрьму и встречает там своих товарищей-революционеров, готовящихс к побегу. Во время беседы они вдруг мгновенно зажимают Бауману рот, скручивают его, валят на пол и тут же освобождают.

Бауман не понимает, в чем дело. Он поднимает потемневшее от обиды лицо, замечает охранника, становящегося под грибок, и в этот момент товарищ подмигивает Бауману.

Литвиненко подмигнул чуть заметно - и Бауман понял. Секундная глупая обида рассеялась без следа. Он спросил тихо, улыбнувшись всегдашней мягкой улыбкой:

- Генеральная репетиция?

Подмигивая человеку, ему показывают, что в данной ситуации считают его своим, подчеркивают, что солидарны с ним. Можно ли подмигнуть тому, на кого сердишься, кому хочешь выразить свое недовольство? Конечно, нет!

Бауману подмигнули, и он должен был найти такое объясненле действиям товарищей, которое не противоречило бы содержанкг.

подмигивания. Бауман легко догадался: во время побега придетс снимать охрану, товарищи готовятся к этому, раскрывают ему свой план.

Важно учитывать, что подмигивание, как и похлопывание по плечу, выражает фамильярные отношения, поэтому подмигивать людям, с которыми нас не связывают такие отношения,- совершенно недопустимо. Кроме того, имеющим более высокое (в широком смысле этого слова) положение, например человеку

значнтельно старше нас, подмигивать нельзя: подмигивают не более чем равным. Вы, конечно, заметили, как нелегко передать словами содержание подмигивания, такого простого этикетного действия.

Это возсе не случайно. Каждое средство общения хорошо приспособлено к тому, чтобы передавать прежде всего свой тип значений.

В языке непосредственно выражаются мысль, человеческое сознание; кроме того, язык универсален: трудно назвать условия, в которых нельзя было бы им воспользоваться. И все же нам нередко приходится привлекать в помощь речи другие средства. В своей области знаки этикета тоже удобнее. Общаясь с людьми, мы так или иначе оцениваем отношения с ними, подводим эти отношени под определенный тип, регулируем их. Это и есть та особая область, в которой удобны средства этикета, для которой они существуют.

"Часто приходится слышать от ребят и взрослых,- рассказывает писатель С. В. Михалков,- что многих интересует проблема поведения, другими словами - советского этикета. Хорошие манеры, не равнозначны ли они жеманству?

И что же? Некоторые запальчиво заявляют: "Одно дело манеры, другое истинная душевная красота. Плевали мы на разные ломанья-кривлянья, подавай нам духовную красоту, а не притворство, этикеты! Князья-графы выискались... Была бы душа хорошая - остальное приложится".

Другие оправдываются: "Да нет, мы не князья-графы, но хамство оскорбляет, травмирует, нервную систему расшатывает, так что давайте, товарищи, будем взаимно вежливы".

Конечно, бывает, что за внешней грубоватостью скрываетс тонкая и нежная душа. А если бы этой внешней грубоватости, положим, не было, разве тот же человек не выиграл бы в наших глазах? Случается, конечно, и наоборот: хорошие манеры прикрывают черствость и бессердечность. Но тут нужно обращать свое внимание именно на черствость и бессердечие, а не на внешние благопристойные манеры, их прикрывающие.

Наконец, между этикетом и жеманством в сознании некоторых возник знак равенства. Хотя тут - обратная зависимость: жеманничанье часто начинается с невоспитанности".

В каждом обществе отношение к людям выражается в своих правилах поведения. Они составляют часть культуры общества и тесно связаны с общественным строем. В обществах, основанных на угнетении одних классов другими, этикет, с одной стороны, ярко передает отношения зависимости, неравноправия, а с другой,- обычно бывает чрезвычайно усложненным, формальным

и лицемерным. Советский же этикет гораздо проще и естественнее, потому что у нас внешнее выражение уважения к людям - вежливость отражает по-настоящему гуманные человеческие отношения, присущие коммунистической нравственности. Наблюда многообразные проявления этикета, вглядываясь в его подчас неожиданные причудливые формы, не будем забывать об этом важном отличии.

ПОЧЕТ ПОЧЕТУ РОЗНЬ

Можно ли измерять отношения между людьми? Конечно. Есть отношения равенства и неравенства, близкие и далекие, теплые и холодные, легкие, тяжелые, натянутые и т. д. Практически мы все время измеряем их и пользуемся результатами измерений. Но линейка, термометр и даже точные весы в данном случае бесполезны, хотя в принципе челевеческие отношения измеряются так же, как и все другое: посредством сравнения; а с помощью этикета выражают результаты измерений.

Вы, наверное, не раз слышали о знаменитой семье венецианских купцов-путешественников Поло, а может быть, и читали повесть советского писателя и исследователя В. Шкловского "Земли разведчик", посвященную Марко Поло. Рассказы Марко о виденном и слышанном во время его долгих странствий составили замечательную книгу "О разнообразии миров", которая живет вот уже семь столетий и, наверное, еще очень долго будет жить, привлекая к себе внимание ученых и людей просто любознательных.

Заглянем в нее и мы.

Вот как описывает Марко Поло пир при дворе пятого монгольского великого хана Хубилая (1215-1294):

На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне, лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаютс точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей - с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом...

Еду и питье великому хану подают многие князья, а рты и носы у них, скажу вам, прикрыты прекрасными шелковыми да золотыми тканями, чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана. Когда великому хану пить, инструменты играют, а тут их многое множество; а возьмет великий хан чарку в руки, все князь и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются.

После того великий хан пьет, и всякий раз, когда великий хан пьет, повторяется то же самое.

Если бы даже нам с вами совсем ничего не было известно об общественных отношениях в государстве Хубилая, то и тогда мы могли бы судить о них, увидев сцену этого пира. Весь этикет пира у великого хана с поразительной точностью передает неравенство пирующих и ступени этого неравенства. Знаки почтени направлены здесь только в одну сторону, снизу вверх, к вершине той пирамиды, которую венчает собою великий хан. Высота общественного положения человека прямо передается на пиру высотой его места за столом и расстоянием до великого хана, причем "ближе" равно "выше", а "дальше" "ниже". Существенно и положение справа или слева от него: слева места для женщин.

Этикет подчеркивает, делает наглядным социальное неравенство. Шесть столетий спустя после описанного ханского пира, в одном из глухих городков дореволюционной России наблюдения над тем, кто какое место занимает, заставляют маленького Сережу Кострикова впервые задуматься о неравенстве людей, о лживости религиозной морали. Откроем повесть А. Голубевой "Мальчик из Уржума". Сереже пришлось петь в церковном хоре.

Он заметил, что люди побогаче и понаряднее стояли в церкви впереди. За ними шли люди попроще, а нищие в лохмотьях теснились в дверях, в уголках, а то и на паперти. С правой и с лгвой стороны около амвона красовались два глубоких кресла, обитые зеленым плюшем, и перед креслами на полу были разостланы пестрые коврики.

Сергей видел, как в воскресенье за обедней и за всенощной эти места неизменно занимали одни и те же люди: два уржумских купца с женами и детьми. Когда поп выносил крест, купцы всегда прикладывались первыми, а за ныли выстраивались гуськом остальные прихожане.

"Почему это так? - раздумывал Сергей.- Нарочно так делают или нечаянно получается?"

Как-то раз утром, перед началом обедни, на купеческий коврик встал подслеповатый старик,- видимо, николаевский солдат,- в военной фуражке с полинявшим верхом и с сучковатой палкой в руке. К нему сейчас же подошел церковный староста и что-то сказал.

Старик заторопился и сошел с ковра.

Сергей, который все это видел, при случае спросил у церковного старосты Чемекова, в чем тут дело.

- У каждого в жизни свое место имеется, малец!

Мертвые и те на кладбище по порядку положены. Кто

поважнее да побогаче - к церкви поближе, а бедные могут и подальше лежать, у изгороди. Ну, а здесь как-никак - живые люди, понимать надо! - ответил церковный староста.

Из этого ответа Сергей так ничего и не понял и решил спросить об этом как-нибудь на уроке закона божия у батюшки. Ведь он сам говорил ученикам, что церковь - дом господень и что перед царем небесным все люди равны!

Равны, равны, а одни, небось, в креслах сидят, а другие на паперти топчутся!..

Ценность, относительный вес человека определяются в феодальном обществе сословной принадлежностью, в капиталистическом - богатством и только в социалистическом - подлинными достоинствами человека, его заслугами, его вкладом в общее дело.

Этикет подчинен сложившейся системе ценностей, отражает, закрепляет ее. Принимать этот этикет, выполнять его предписани означает принимать существующую систему ценностей и тем самым признавать себя членом данного общества, В торжественной, траурной и всякой другой церемонии взаимное расположение людей (кто за кем следует в процессии, где сидит за столом и т. д.) легко получает этикетное значение и передает равенство или неравенство участников церемонии, то есть отношения "выше", "ниже", "равный". Если частные лица и могут пренебречь иногда возникающими при этом недоразумениями, то официальные представители коллективов, организаций и тем более государств, например дипломаты, такой возможности не имеют. Ведь проявленная по отношению к ним мера уважения не есть их личное дело. История дипломатии знает немало споров по поводу мест, занимаемых представителями разных стран при исполнении той или иной церемонии.

Иногда дело доходило до вооруженных столкновений. Французский дипломат Жюль Камбон описывает один из конфликтов, возникший при въезде нового посла. По прежней традиции все послы выезжали навстречу новому дипломату и затем сопровождали его к дому, стремясь занять в растянувшейся процессии наиболее почетное место. Это и приводило к столхнсвешьчм. "В 1661 году в Лондоне во время въезда шведского посла слуги испанского посла графа Ваттевиля поссорились с лакеями французского посла графа д'Зстрада и перерезали постромки у его коляски; были пущены в ход шпаги, и много французов, испанцев и англичан было убито на месте".

Лишь постепенно сложились правила современного дипломатического этикета, значительная часть которых связана с установлением и выражением старшинства, или первенства,

среди членов дипломатического корпуса. Эти правила, в создании которых важную роль сыграли специальные международные соглашения, получили название дипломатического протокола.

В России в старину почетное место за столом называлось "верхним", а наименее почетное - "нижним". Теперь нам с вами понятно, что эти названия не случайны. В некоторых вариантах былины "Илья Муромец и Соловей-разбойник" поется о том, как вначале Илью Муромца, приехавшего ко двору князя Владимира, не оценили по достоинству: на пиру князь и богатыри посадили его "на нижний конец, на меньшее место". Но вот все узнают о подвиге Ильи, видят плененного Соловья-разбойника, проверяют силу его посвиста, и положение становится другим:

Тут благодарит его солнышко Владимир-князь:

Я дам тебе место рядом со мной, Второе напротив себя, А третье - где тебе слюбится.

Можно привести немало примеров того, что предоставленное человеку место и сейчас служит этикетным знаком отношени к нему. Каждый из нас знает, что уважение к человеку не позволяет "держать его у дверей"; и по сей день нередко выделяетс в деревенском доме почетный "красный угол", куда неловко садиться самому (надо подождать, чтобы пригласили). Специальные места предлагаем мы почетным гостям на наших заседаниях, сборах, линейках. Присутствующих на комсомольском собрании ветеранов Великой Отечественной войны и труда обычно выдвигают в президиум, и они садятся рядом с председателем, лицом к залу.

А чем вызван обычай собираться за круглым столом? Конечно, стремлением подчеркнуть равенство всех присутствующих.

Сегодня за круглым столом нередко проходят важные международные встречи, симпозиумы, совещания. Вы наверняка встречали газетную и телевизионную рубрику "За круглым столом".

Если авторы статей и участники передач под этой рубрикой не всегда действительно рассаживаются вокруг реальных круглых столов, то все-таки содержание этого этикетного знака - равенство в общении - сохраняется и здесь.

У всех в памяти замечательный спортивный праздник - Олимпийские игры в Москве. Участники соревнования - это особый коллектив со своими отношениями и своим этикетом. В главном документе Олимпиады - Олимпийской хартии - говорится, что Олимпийские игры "объединяют спортсменов-любителей всех стран в честных и равноправных соревнованиях. По отношению к странам и отдельным лицам не допускается

никакой дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам... Цели олимпийского движения заключаются в содействии развитию тех прекрасных физических и моральных качеств, которые приобретаются в соревнованиях на дружеских полях любительского спорта и в объединении молодежи мира раз в четыре года на великом спортивном празднике, создавая тем самым международное доверие и добрую волю и способствуя созданию лучшего и более спокойного мира".

Дух Олимпиады - дух равенства и дружбы. Его прекрасно выражают главные олимпийские церемонии. Мы помним торжественное открытие Олимпийских игр, парад спортсменов. Харти точно определяет порядок шествия. Первыми всегда идут спортсмены Греции. Это на их земле родилась традиция Олимпиад, на их земле вспыхивает Олимпийский огонь. Они идут впереди, по праву занимая почетное место. За ними движутся спортивные делегации других стран. Они представляют государства большие и малые, включают именитых спортсменов и новичков; различен цвет кожи олимпийцев, различны их одежды; одни делегации многочисленны, в других - лишь несколько человек, но церемони утверждает их равенство, требует равного к ним уважения, и делегации идут в строгом алфавитном порядке: таков этикет Олимпиады. Заключает парад колонна спортсменов страны - организатора Игр, хозяев Олимпиады,прекрасный знак доброжелательного отношения к гостям! В Москве шествие завершали спортсмены нашей страны. Выделение делегатов Греции вовсе не делает "вес" других участников парада меньшим, так как оно символизирует уважение к олимпийскому движению в целом, ко всей олимпийской традиции. И кому, как не хозяевам, замыкать шествие? Разве в своих домах не пропускаем мы гостей впереди себя? Кроме того, положение хозяев Олимпиады уже само по себе - большая честь!

С алфавитным порядком как знаком равенства мы встречаемся чаще, чем может показаться на первый взгляд. Возьмем, например, хорошо известный вам учебник русского языка для VII-VIII классов. Как и многие другие учебники, он написан не одним лицом, а коллективом авторов. Посмотрите, в каком порядке они названы. Читаем: С. Г. Бархударов, С. Е, Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. Ученые, создавшие для миллионов школьников один из самых главных их учебников, перечне тепы по алфавиту. Это принятый знак равенства, равноправия. Но бывает, что один из авторов выполнил важнейшую часть работы или руководил ею в целом. Нередко в таких случаях его фамилию ставят на первое место, подчеркивая тем самым его особое положение в коллективе. Как видим, и

здесь свой этикет.

Мы видим, что с помощью этикетных знаков равенства или неравенства передают далеко не одни лишь сословные отношения. Значение равенства и неравенства имеет такой общий характер, что выражает также различия по возрасту, полу, служебному положению и многим, многим другим свойствам общающихся. Кто первый протягивает руку для рукопожатия, кто кого пропускает вперед, кто кому уступает место, какой следует выбрать знак приветствия или прощания... Решение этих и вообще почти всех этикетных задач связано с оценкой равенства или неравенства положения общающихся.

Давайте рассмотрим одну из таких задач. Допустим, что к вам зашел одноклассник и его нужно познакомить с мамой. Знакомить можно по-разному. Какой из следующих вариантов кажется вам наиболее подходящим?

1. Проходи, Коля. Мама, это Коля, мы сидим на одной парте. (Коле.) Маму Наталией Ивановной зовут.

2. Проходи, Коля. Это моя мама, Наталия Ивановна.

(Маме.) Мы с Колей на одной парте сидим.

Сказано как будто одно и то же, и все-таки эти варианты высказываний неравноценны. Все дело в том, кому представляют нового знакомого. Общее правило, которое сегодня действует с той же обязательностью, что и в прошлом, заключается в следующем: "низшего" представляют "высшему" и только затем (и то не всегда) "высшего" называют "низшему".

Если вы не просто сообщаете маме, кого ведете мимо нее к себе в комнату, не просто информируете Колю о том, что вам попадается на пути ("Здесь у нас книги, это мой аквариум, это мама, там дверь на балкон..."), а знакомите их, хотите сделать знакомыми, то из приведенных вариантов, безусловно, лучше выбрать первый. Второй невежлив по отношению к маме, да и Коля почувствует себя очень неловко, если ему будут представлять взрослого человека. Ведь мама явно "выше". Рост ее здесь, конечно, ни при чем. Маме принадлежит первенство: она значительно старше Коли и женщина, этого достаточно.

Если бы вы знакомили Колю с его ровесницей (например, с вашей сестрой), все равно вначале нужно было бы назвать его. А вот сестренку, которая значительно моложе Коли, вполне можно назвать ему первой.

Первенство старших по отношению к младшим и женщин по отношению к мужчинам принято у очень многих народов. Несколько лет назад в Нальчике, столице Кабардино-Балкарской АССР, сышла интереснейшая книга "Адыгский этикет". Как рассказывает ее автор, советский психолог и этнограф Б. Х.

Бгажноков, уважение к старшим по давней традиции адыгов выражалось, например, в том, что младший всегда уступал идущему навстречу старшему правую сторону дороги, младший не должен был окликать старшего или задавать ему вопросы. Один из знаков уважения к женщине, сохранявшийся у адыгов до последнего времени, был таким: всадник, встретивший женщину в пути (в поле), непременно спешивался и, оставляя на время любые свои дела, провожал ее до того места, куда она направлялась. При этом поводья он держал в левой руке, а женщина шла справа от него: правая сторона почетнее (сравните это с тем, где сидели женщины на пиру у Хубилая).

Однако встречаются и системы оценок, в которых первенство принадлежит мужчине, он рассматривается как "высший"

по отношению к женщине. Такая система представлена, например, традиционным японским этикетом. Понятно, что она сложилась на основе неравноправного положения женщины в обществе.

И до сих пор она поддерживается многими особенностями общественной жизни Японии.

Как мы видим, в каждом обществе существует своя система оценок, свои правила первенства. Они устанавливаются под влиянием многих причин, но главная из них - особенности общественного строя. Выдающаяся революционерка, видный партийный и государственный деятель Александра Михайловна Коллонтай (1872-1952) родилась в семье, ведущей свою родословную от знаменитого псковского князя XIII в. Довмонта. Отец рассказывал ей, что когда кто-либо из его рода въезжал в псковский монастырь, то монахи звонили во все колокола. И маленькая Шура очень хотела попасть в Псков, чтобы услышать, как древние колокола Пскова зазвонят в ее честь.

Прошло полвека. Октябрьская революция, для победы которой много сделала сама Коллонтай, уничтожила дворянские титулы, сословные привилегии, а с ними - и прежнюю систему первенства. Укреплялась новая система человеческих отношений, возможностей, измерений. Александра Михайловна Коллонтай завоевала глубокое уважение и любовь людей не древним происхождением своего рода, а честной, пламенной жизнью революционера, огромным непрерывным трудом на благо людей. И ее известность, знатность-это знатность замечательного трибуна и дипломата, знатность первой в мире женщины-посла - посла Советского Союза.

В драме Ариадны и Петра Тур "Чрезвычайный посол" (по ней снят известный фильм "Посол Советского Союза") отразились отдельные эпизоды из жизни А. М. Коллонтай и ее работы в

качестве посла. Есть там и такая интересная сцена. Король одной из стран Северной Европы готовится принять первую женщинупосла Кольцову. Придворный этикет требует, чтобы посол сто разговаривал с сидящим на троне королем. Однако послом впервые оказывается женщина, а разговаривать сидя со стоящей женщиной - невежливо. Король взволнован. "Какая нелепость! - восклицает он.- Наши архаические протокольные нормы лишают меня права на элементарную вежливость, принятую даже у полинезийцев! Я не могу предложить даме сесть!"

Стоит обратить внимание на противоречивость сложившейс ситуации: Кольцова-женщина и Кольцова-посол оцениваютс по-разному, а этикетный знак может быть выбран только один.

Не следует думать, что подобные трудности при выборе этикетного знака возникают редко, лишь в каких-то совершенно особых случаях, в необычных ситуациях. Вовсе нет! Человеческие отношения сложны и многосторонни, и измерения каждой из сторон не обязательно должны давать один и тот же результат. Поэтому выбор этикетного знака - это не механическое решение задачи по готовой, заранее известкой формуле. Принятые в обществе системы оценок чаще всего подсказывают лишь общее направление выбора, стратегию действий, а конкретное решение человек каждый раз принимает сам.

Этикетная стратегия советского общества, как мы видели, наиболее естественна и проста. Старшинство, первенство прежде всего определяются у нас личными заслугами человека перед обществом, его моральными и трудовыми качествами. Второй важный признак этой стратегии - уважение старости, учет возраста человека. Это наиболее гуманная, социалистическая стратегия.

О ЧУВСТВЕ ДИСТАНЦИИ

Известно, что среди своих и со своими мы ведем себя подругому, чем с чужими.

Общение своих - это общение людей, которые хорошо знакомы, близки друг другу и при этом связаны неформальными отношениями. Главными в общении этого типа являются чисто личные взаимодействия и личные свойства людей.

Примером связей "безличных", формальных могут служить обычные контакты между кассиром и теми, кто пользуется его услугами. Когда мы покупаем в кассе билет, для нас, как правило, несущественны особенности кассира как человека. Неважно, стар он или молод, мужчина это или женщина, какие он любит книги, откуда родом, щедр он или скуп и так далее. Важно лишь то, что в обмен на определенную сумму он выдает необходимый нам

билет. В свою очередь, и для кассира в принципе безразлично, кто покупает у него билеты. В театральной кассе мы для него просто зрители, в железнодорожной пассажиры.

Эти отношения так просты и безличны, что иногда роль кассира может выполнять и автомат, а некоторые кассы устроены таким образом, что сквозь маленькое окошечко кассир и покупатель почти не видят друг друга, и это не мешает одному продавать, а другому покупать билеты. Все действия кассира и покупателя - это действия чужих, они стандартны, точно определены ролью кассира и покупателя в ситуации приобретения билетов. Таков формальный тип отношений.

В данном случае "формальный" вовсе не значит "плохой".

Формальные отношения во многих случаях просто необходимы.

Например, те, кто стоят в очереди у кассы, едва ли будут довольны, если кассир, узнав в одном из них своего знакомого, выйдет за пределы необходимого формального поведения, перейдет на личный контакт и на время перестанет исполнять свои обязанности кассира.

Общаясь с чужими, обычно строго соблюдают все требовани этикета, и чем более далекими являются друг другу люди, тем более это необходимо. Напротив, имея дело со своими, мы знаем, что отношения прочно закреплены всей нашей жизнью и полностью исполнять предписания этикета поэтому оказываетс не столь обязательным. Нередко именно нарушением общих этикетных правил мы подчеркиваем особую близость и неформальность своих отношений - отношений, настолько ясных, несомненных, что намеренные отступления от нормы воспринимаются как подчеркивающая эти отношения шутка.

Есть, конечно, и специальные средства, этикетные метки, с помощью которых выражают отношения своих. Так, давно замечено, что общение между своими допускается на значительно меньшем расстоянии, чем между чужими. Конечно, свободно выбирать расстояния нам удается далеко не всегда: в узком проходе, в толпе, на переполненном людьми пляже, в зрительном зале эти расстояния зависят не только от наших желаний. Но там, где выбору ничто не мешает, они хорошо передают степень близости людей. Поэтому каждому необходимо иметь и развивать в себе чувство дистанции, своеобразный этикетный глазомер.

Вот хорошее упражнение. Рассмотрите эти два рисунка.

Они различаются расстоянием между ребятами. Как вы думаете, на каком из рисунков переданы отношения "своих"? Что можно сказать о ребятах по другому рисунку? Это отношения "чужих" или неопределенные?

Почему вы так думаете?

Теперь попробуем мысленно пересаживать ребят. Глядя на второй рисунок, представляйте первого мальчика находящимс все ближе и ближе ко второму, который сидит с краю. В какой момент появляется уверенность, что они "свои"? А если, не меняя положения ребят, воображать скамейку то более короткой, то более длинной, как это повлияет на оценку обстановки?

Догадались, почему это происходит?

"Посадим" между ребятами еще двоих. Как оценить отношения в этом случае? А если совсем не оставить на скамейке свободных мест?

На то, как мы воспринимаем расстояния, сильно влияют возможные преграды между партнерами по общению. Обычно они играют роль коэффициентов, увеличивающих значение расстояния.

Одинаково ли, например, проходит общение с библиотекарем, стоящим за стойкой, которая совершенно отделяет его от зала с читателями, и с библиотекарем, работающим без стойки, в самом зале, где к его рабочему месту можно подходить с разных сторон и где сам библиотекарь в любой момент может оставить стол и оказаться рядом с нами? В зале второго типа общатьс с ним, конечно, гораздо легче. Здесь разговор скорее делаетс живым и откровенным, не ограничивается одной лишь регистрацией книг.

Еще более важным знаком, чем само расстояние, являютс его изменения: движения в сторону партнера или от него. Переходя от формальных, отчужденных отношений к более близким, мы обычно придвигаемся к партнеру и соответственно уменьшаем силу голоса, меняем интонацию и тембр, делаем его более глубоким, богатым. Желание занять более отчужденную позицию вызывает движение от партнера (часто бывает достаточно уже одной демонстрации намерения совершить такое движение). При этом мы нередко принимаем более напряженную позу, часто громче, отчетливее произносим слова, но одновременно обедняем тембр.

Отношения близости и отчужденности хорошо передает наша речь. Помните повесть советского писателя А. Алексина "А тем временем где-то..."? Шуру во время войны потеряли родители.

Двухгодовалым малышом взяла его Нина Георгиевна из детского дома, воспитала, стала ему настоящей матерью. Когда мальчику шел уже шестнадцатый год, нашлись, наконец, его родители.

К несчастью, они оказались жестокими, эгоистичными людьми.

Родители убедили Шуру, что с Ниной Георгиевной теперь нужно порвать и чем решительнее, тем лучше. Выбрав момент, когда Нины Георгиевны не было дома, Шура явился забрать свои вещи. Тут и познако?,1ился с ним герой повести Сергей. Слуша р? ссуждения Шуры, Сережа ясно увидел, что тот уже отказалс от Нины Георгиевны, предал ее и поэтому говорит теперь о ней, как о чужом человеке: "Нину Георгиевну он четко называл Ниной Георгиевной, хотя раньше,- мне это неожиданно пришло в голову,- конечно, называл ее мамой. Он ни разу не сбился, не назвал ее так, как раньше". А. Алексин тонко чувствует, как с помощью слова люди меняют дистанцию общения. Писатель помогает нам заметить это важное свойство речи. Героя его повести "Домашний совет" все зовут Саней, Санечкой. Но иногда, в особые моменты его жизни, папа и учительница, которые лучше других понимают мальчика и верят в него, одинаково говорят ему: "Друг мой!" И Сане это не кажется высокопарным. Обращением "друг мой" подчеркиваютс доверие и близость уважающих мальчика взрослых.

Умением различать степени близости и в нужных случаях переходить от одной тональности общения к другой должен владеть каждый культурный человек. Встречаются, однако, люди, которые плохо чувствуют границу между отношениями "свой" и "чужой" или по разным причинам не хотят ее замечать. Они во всех ситуациях стараются свести общение к единственному удобному для себя типу, не обращая внимания на то, хочет общаться в этом ключе партнер или нет. Человеком такого рода рисует Н. В. Гоголь своего Ноздрева.

Вот как происходит его встреча с Чичиковым в трактире на столбовой дороге:

- Ба, ба, ба! - вскричал он [Ноздрев] вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова.- Какими судьбами?

Чичиков узнал Ноздрева, того самого, с которым он вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить "ты", хотя, впрочем, он со своей стороны не подал к тому никакого повода.

- Куда ездил? - говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: - А я, брат, с ярмарки.

Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно! - Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку.- Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые...

Общение на "ты", выбор приветствия, какое употребляют давние знакомые ("Какими судьбами?"), руки, расставленные как

бы для объятий, фамильярные "Ба, ба, ба!" и обращение "брат", невнимание к партнеру (задаст вопросы и не ждет ответа, говорит прежде всего о себе), разговорные и просторечные слова, касание ("нагнул сам голову Чичикова") - все это указывает на отношения вполне своих. Между тем Чичиков, как мы знаем, "не подал к тому никакого повода".

Как точно заметил Гоголь, ноздревы проявляют себя рано:

"Они называются разбитными малыми, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе "ты". Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подеретс с ними того же вечера..." "Ноздрев долго еще не выведется из мира",предупреждал писатель, и он, кажется, прав. Стоит подумать, нет ли и в нас чего-то от Ноздрева, различаем ли мы человеческие дистанции, научились ли понимать, какие отношени наиболее удобны для тех, с кем мы имеем дело.

Естественно, что отношения "своих" чаще встречаются среди равных. Большие различия в возрасте, общественном положении и иное неравенство обычно ведут к отношениям более отчужденным, однако полного соответствия между измерениями "равный - выше - ниже" и "свой - чужой", конечно, нет. Это легко заметить, обратив внимание на этикет обращения детей к родителям. Вообще к людям старшего поколения, например к чужим мужчинам и женщинам возраста наших родителей, мы обычно обращаемся на "вы", но с родителями чаще всего бываем на "ты". Это можно объяснить только тем, что признаку близости в данном случае придается большее значение, чем разнице в возрасте и положении. Вместе с тем эта разница все-таки существует, поэтому в некоторых семьях (в основном на юго-западе нашей страны) дети обращаются к родителям на "вы", то есть при выборе этикетного знака близость рассматривается как менее важное условие з сравнении с возрастными и другими различиями. Из этого, конечно, не следует вывод о том, что в семьях, где дети говорят родителям "вы", между поколениями складываются менее близкие отношения. Вовсе нет! Разница заключается не в самих отношениях, а в том, на какую из нескольких сторон этих отношений ("выше - ниже - равный" или "свой - чужой") опирается выбор этикетного знака. Существенна, конечно, и традиция, привычка к принятому типу обращения.

Одна из героинь повести А. Алексина "Раздел имущества" рассуждает так:

В любимых мною романах прошлого века матерей часто

называли на "вы": "Вы, маменька..." В этом не было ничего противоестественного: у каждого времени своя мода на платья, прически и манеры общения.

В деревнях, я знала, матерей называют так и поныне:

там трудней расстаются с обычаями. Но в городе это "вы" всегда казалось мне несовместимостью с веком, отчужденностью, выдававшей себя за почтительность и деликатность.

Непривычное девочке "вы" в обращении к матери она наделяет особым смыслом. Нельзя, однако, забывать, что одно и то же содержание может передаваться по-разному, так как знакам присуща условность. Этому их свойству мы посвящаем следующую главу.

СОБЛЮДАЕМ УСЛОВИЯ

Никакое явление не может обозначать само себя. Дорога, по которой мы идем, не обозначает дорогу. Это дорога, и все. Но давайте нанесем ее на карту. Использованный нами знак похож на дорогу лишь тем, что повторяет ее направление, изгибы и пропорции. Все остальное в нем - толщина и окраска линии, ее характер (одинарная, двойная, непрерывная, пунктирная и т. п.) все это, конечно, условно. Для дорог местного значения и союзного, дорог со специальным покрытием и грунтовых, для дорог с автобусным движением и без него обычно выбираются разные обозначения. И то, что они выбираются, то есть вообще-то могли бы быть и иными, подчеркивает их условность.

Но важно понимать, что условность обозначений ни в коем случае не означает их произвольности. Это ярко проявляетс уже в примере с условными обозначениями дорог: ведь мы используем не любые, а только такие знаки, которые в своей совокупности действительно способны передавать разнообразие типов дорог и их направление. Значит, нас удовлетворит не люба форма знака. Кроме того, существует традиция картографических приемов, которую мы не станем нарушать. Обычно каждый из нас в отдельности не решает и не может решать, каким средством должно передаваться то или иное содержание. Чтобы понимать друг друга, мы стараемся "соблюдать условие": пользуемся такими знаками и так, как это принято, как исторически сложилось в нашем обществе.

Например, числа мы обозначаем либо арабскими цифрами (0, 1, 2, 3, 4, 5...), либо римскими (I, II, III, IV, V...), хотя истории известны и многие другие цифровые знаки. Долгое время у славян, в том числе и на Руси, употреблялись буквенные обозначения чисел: "А"-один, "в" - два, "г" - три, .д. - четыре, ? - пять, ? - шесть и т. д. Они были столь же условными (но не произвольными), как и принятые сейчас арабские и римские,

поэтому их и можно было заменить другими.

Чтобы выразить согласие, русские делают движение головой сверху вниз, болгары же - из стороны в сторону, то есть используют тот жест, которым мы привыкли выражать отрицание. В сильном недоумении мы обычно разводим руки, а египтяне в этом случае ударяют ладонью о ладонь. Указывая на что-либо рукой, мы держим ее ладонью вниз, японцы же - ладонью вверх, что очень похоже на наш жест просьбы. Условность знаков и делает возможными все эти различия. Чтобы правильно понимать и использовать знаки, нужно знать "условие", то есть принятую в данном коллективе условную связь знака и его содержания. Без этого определить содержание знака по одной лишь его внешней форме (и наоборот), конечно, нельзя. О произвольности речи и вовсе не приходится говорить: звучание и состав каждого слова определяются связью с другими единицами того же языка, в них отражаются свойства обозначаемых явлений, они передаются каждому новому поколению как обязательное условие единства с другими членами общества. Кроме того, внешний облик слова и содержание слова связаны в нашем сознании так тесно, что эта связь представляется совершенно естественной.

Ну, кажется, как еще можно называть воду, если не водой; разве для глаз и рта, для сказки и песни, для неба и земли могут быть более естественные названия, чем глаза, рот, сказка, песня, земля, небо? Разве такие слова, как подснежник и одуванчик, белок и желток, низина, вершина и подобные самим своим составом и связью с родственными словами не указывают совершенно определенно на то, ч го они обозначают?

Проиггольности пет, но элемент условности есть и здесь.

Это сразу делается заметным, как только человек узнает, помимо родного языка, какой-нибудь другой или когда он знакомится с историей языка, на котором говорит. Достаточно взглянуть хот бы на приведенные ниже названия рта и глаза в некоторых из распространенных языков, чтобы убедиться в условности этих названий.

Рус. Франц. Англ. Нем. Тат. Фин.

рот bouche mouth Mund авыз suu

глаз ceil eye Auge куз silma

Только кажется, что у таких "прозрачных" названий, как дневник или подснежник, и не может быть иных значений, кроме нам известных. Представим себе человека, который изучает русский язык. Допустим, что он уже неплохо владеет русской речью, но с некоторыми словами еще не встречался. Сумеет ли он самостоятельно понять значение слова дневник, если слышит это слово впервые, хотя и знает, что такое день и дневной, ночь,

ночной и ночник, полдень и полдник, утро, утренний и утренник, месяц, месячный и месячник и т. д.? Едва ли.

Конечно, он может предположить, что дневник - это предмет, как-то связанный с днем. Но какой предмет? Утренник - утренний мороз. Значит, дневник - мороз дневной? Но утренникэто еще и спектакль или детский праздник, устраиваемые днем.

Когда же проходят спектакли-"дневники"? Быть может, дневник - это еда днем, как полдник"? Не лампа ли это, которую зажигают днем? Ведь ночник светильник для слабого ночного освещения! А может быть, так называют дорогу, по которой ездят только днем, как только зимой пользуются зимником? Или это работа в течение дня (сравните значения слов субботник, воскресник, месячник)?

Но почему мы думаем только о неживых предметах? Вечерник - это учащийся вечерней школы или вечернего отделения техникума, вуза. Тогда дневник тот, кто учится днем, и все первоклассники - тоже дневники?

Поляк, изучающий русский язык, мог бы догадаться, что дневник - это тетрадь, журнал для подневных записей, потому что такое значение имеет польское dziennik (dzien - "день", dzienny - "дневной"). Но в польском dziennik означает еще и классный журнал, и газету (поэтому польское dziennikarz - "журналист", а dziennikarka - "журналистка"). Можно ли поручиться, что то же значит и русское дневник? Пожалуй, нельзя.

Известно ведь, что польское ukrop называет не огородное растение, а кипяток, слово nagfy не имеет того отрицательного смысла, какой мы находим у родственного ему совре?ленного русского слова наглый, и по-польски это "срочный", "неожиданный, внезапный", urok - не школьный урок, а "обаяние, очарование". Да и мы с вами без посторонней помощи едва ли определим, что значит, например, польское trawnik, хотя сразу сообразим, что оно родственно русским словам трава, травник и называет какой-то предмет. Но какой?

Может быть, легче решить, что значит kolec или zujka (произносятся колец, жуйш)? Не торопитесь, подумайте.

Решение готово? Ну что ж, ответ приведен в рамке на с. 24.

Проверили? Не правда ли, до чего просто и естественно названы эти предметы! И вместе с тем названы, конечно, условно.

Поэтому не огорчайтесь, если не справились с заданием. Догадаться можно было только случайно. Нетрудно сказать, почему газон назван "травником", а жвачка - "жуйкой"; понятно, отчего колючка - "колец". Однако даже то, что "жуйку" жуют, "колец"

колет и что "травник" действительно связан с травой, мы

узнаем лишь по условию, овладев словом как целым.

В основу названия обычно кладется один из признаков того явления, которое выделяют словом ("то, что жуют", "то, что колет" и т. п.). Но созданное слово употребляют для обозначения явления в целом, со многими другими его свойствами, и признак, использованный при образовании названия, со временем часто затемняется, становится неважным, ведь до конца значение слова он все равно не определяет. Так, говорящие по-русски сегодня уже не замечают, что слово плюшка связано с плющить, рубль с рубить, смелый со сметь, мышца с мышь. Поэтому и слово со звуковым обликом дневник могло бы обозначать и что-то не обязательно "дневное".

Маленькая школьница, вернувшись после занятий домой, с гордостью сообщила: "А у нас в школе ввели полное самоуправство!" Ее ошибка легко объяснима: значения частей, из которых состоят слова самоуправство и самоуправление, одинаковы, а точная связь звучания и значения, как мы знаем, имеет элемент условности. Не овладев еще в полной мере условными значениями этих слов, школьница понимала их на основе сходства с известными ей словами сам, управлять, управление и потому не чувствовала разницы между ними. Вот она и употребила одно вместо другого. Знаки этикета также не произвольны (их нельз менять по своему желанию, они подчинены традиции, имеют свою историю, связаны с другими этикетными знаками, отражают специфику общества, использующего эти знаки), но и они обладают условностью.

trawnik - газон

kolec - колючка

zujka - жвачка

Условность этикетных знаков объясняет возможность различных способов передачи одного содержания.

Ученые накопили множество наблюдений над тем, как своеобразно выражаются одни и те же этикетные значения у разных народов и в разные исторические периоды жизни одного народа. Устанавливая отношения с новым коллективом, человек обменивается с его членами одним из самых главных этикетных знаков - знаком приветствия. И если формы приветствия не совпадают, это замечается сразу. Так, выдающийся русский ученый и путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай (1846-1888) писал о приветствиях у папуасов Новой Гвинеи: "Папуасы подают друг другу руку, касаются руки другого, но не жмут ее... При моем посещении деревни Богати меня ожидала большая толпа папуасов, которые, как только моя шлюпка подошла к берегу, все почти сели и не встали до тех пор, пока я не выскочил из лодки и

не обратился к одному старому знакомому с просьбой помочь мне привязать ее. Этот обычай приседать на корточки перед почетным гостем в знак приветствия я встретил также на островах архипелага Довольных людей".

Мы привыкли к тому, что при встрече почетных гостей встают, а протянутые руки пожимают, однако эти способы приветстви имеют столь же условный характер, как и у тех народов, которые обходятся без рукопожатий, и, с точки зрения людей других типов культуры, принятые у нас знаки приветствия могут представляться странными и неестественными. "Почему европейцев,- рассуждал известный советский писатель Илья Эренбург,изумляют нравы Азии? Европейцы, здороваясь, протягивают руку, и китаец, японец или индиец вынуждены пожать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам или москвичам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг".

Убедиться в различиях приветствий, принятых разными коллективами, можно и не покидая своей страны, не обращаясь к другим временам и культурам: пионерский салют не спутаешь с тем, как отдают честь военные; семиклассник, встретивший на улице приятеля, здоровается с ним, не обнажая головы, тогда как взрослые мужчины нередко приподнимают шляпу: женское приветствие вообще не включает в себя действий с головным убором, а если девушки, встретившись, начнут дружески похлопывать одна другую по спине, мы увидим в этом нечто им не свойственное, мужеподобное.

Итак, мы знаем, что знаки этикета условны. Но не следует относиться к ним из-за этого пренебрежительно: что, мол, в них за смысл, если все это одни условности! Напротив, знакомство с условностью знаков помогает сосредоточить внимание не на внешних их особенностях, какими бы занятными они нам ни казались, а на том совершенно необходимом для общающихся содержании, которое эти знаки несут. Помня об условности знаков этикета, в том числе и тех, которыми мы постоянно пользуемс сами, мы с уважением будем относиться к принятым в других коллективах формам вежливости, даже если оги сильно отличаются от привычных нам. Без умения понимать и уважать чужие обычаи невозможно жить в современном мире, в котором общение людей всех стран и континентов делается все более тесным и активным.

Наконец, условность этикетных знаков означает, что язык этикета, как и всякий другой, требует специального изучения.

С. В. Михалков пишет: "Вежливость имеет свои законы, которые нужно знать, а не открывать всякий раз заново. Каждое

поколение не изобретает заново алфавит, цифры, не открывает вновь законы естественных наук. Точно так же, нам думается, не лишним будет обучать несложной, но каждому нужной науке повседневных человеческих отношений". Плохо зная особенности этикета, принятого коллективом, в котором нам приходится действовать, пы постоянно будем ставить себя и других в трудное положение, вызывать конфликты даже при самом добром отношении к людям.

У слов невежа и невежда первоначально было одно значение:

"тот, кто не знает", "незнайка". Невежей оказывается не только тот, кто намеренно груб, но и тот, кто нарушает правила этикета по неведению, лишь потому, что еще недостаточно знаком с ними.

Но это, как говорится, дело поправимое - будем знакомиться!

КАК НИЧТО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НЕЧТО

Сравним русские слова "но" и "новость". Говорящим по-русски сегодня непонятно, почему но получило противительное, а не любое другое значение. Даже родственные связи союза "ко" сейчас уже не ощущаются. Только историкам языка известно, что "но"

одного корня с ныне. А вот у слова новость связи с прилагательным новый, от которого оно образовано, и с другими словами на есть так четки, прозрачны, что сама грамматика русской речи как бы повелевает ему: означай что-то новое. Элемент условности представлен в этих словах неодинаково: у слова ноеость он гораздо слабее, у слова но - сильнее.

Знаки этикета тоже условны в разной мере. Есть среди них и минимально условные. Условность рукопожатия достаточно велика: никакой практической ценности само по себе оно не имеет и служит лишь для передачи этикетной информации.

Ну, а такие предписания, как уступать дорогу встречному, не опаздывать на свидания, стучать в дверь и просить разрешени войти, не вставать из-за стола, пока хозяйка не поднимется, и подобные? Эти особенности поведения не только выражают наше отношение к партнерам по общению, но удобны, полезны, ценны и сами по себе. Значит, это знаки и не знаки в одно и то же время.

Случалось ли вам когда-нибудь спутать речь с другими, неречевыми звуками, хотя бы и издаваемыми человеком? Едва ли.

Ведь знаки устной речи очень своеобразны по своей материи, и голосом мы пользуемся почти исключительно для языкового общения. Даже не зная языка, на котором говорит собеседник, мы тем не менее не усомнимся, слушая его, в том, что наблюдаем именно речь, а не что-нибудь другое. Иное дело - знаки этикета. В роли этикетных нередко выступают такие формы поведения, которые в одних случаях оказываются знаками, а в других -

совершенно не имеют знакового характера и ценны сгми по себе.

Отчего, например, этот человек поднялся с места? Возможно, он устал сидеть. Может быть, он собирается закрыть окно, включить приемнчк, взять с полки книгу или сделать что-либо иное, для чего ему необходимо подняться. Но это может быть знаком уважения, адресованным входящему в комнату человеку.

Это может быть и предложением закончить беседу, то есть другим этикетным знаком, адресованным партнеру по общению. Как же мы определяем, знак это или не знак, и если знак, то какой именно?

Отчасти это узнается по особому исполнению действия, по характерной его "членораздельности", то есть отчетливости и отделенности от других действий, но только отчасти. Главное же здесь - учет всей обстановки, ситуации поведения, понимание системы, в которую входит действие: имеется ли общение, с кем, какого типа, на какол стадии, предшествовали ли данному действию какие-либо этикетные знаки и какие именно, как распределены роли между партнерами по общению, требует ли, наконец, ситуация определенных этикетных действий, в какой мере можно их ожидать.

Таким образом, наблюдения над условностью этикетных знаков приводят к мысли об особой важности их системных свойств.

Познакомимся с системностью знаков через одно из ее следствий, через возможность пользоваться так называемыми нулевыми знаками. С некоторыми из них мы давно знакомы. Это, например, нулевые окончания в русском языке. Присмотримся к тому, кака связь существует между нулевыми окончаниями и системой, в которую они входят.

Возьмем фразу "Залил (...) водой?". Выделенное слово - глагол, причем глагол прошедшего времени. Русский языковой обычай требует, чтобы говорящий указывал в этой лингвистической ситуации - в глаголе прошедшего времени - еще и значение числа, а в случае единственного числа - и значение рода. Иначе говоря, лингвистическая (речевая) ситуация сложилась так, что обязательно должны быть переданы следующие грамматические значения: либо 'множественное число', либо 'единственное число + женский род', либо 'единственное число + средний род', либо 'единственное число + мужской род'.

Эти значения так противопоставлены друг другу, образуют такую систему, что выбор одного из них исключает возможность выбрать одновременно и другое значение. Выбрать нужно обязательно, выбрать только из четырех значений и лишь одно из

них. А вот материально выраженных (звучащих) окончаний в русском языке имеется для данного случая только три, и распределены они так:

'мн. число' -и (залили)

'ед. число + жен. род' -а (залила)

'ед. число + ср. род' -о(залило)

'ед. число + муж. род' - (залил)

В этой ситуации не указать ни первое, ни второе, ни третье значения означает только одно - выбрать четвертое.

Если мы не использовали ни окончание -и, ни окончание -а или -о, то само отсутствие материально выраженного окончания играет роль окончания, так как передает четвертое значение. Отсутствие звучащего окончания в ситуации с обязательным выбором превращается в сопоставлении с другими окончаниями в особое окончание. В совокупности со своим значением оно и образует нулевой знак. В глаголе залил значение 'единственное число+мужской род' передано нулевым окончанием, оно входит в нулевой знак.

Заметим, что системность проявляется здесь в двух отношениях. Во-первых, один элемент требует непременного присоединения к себе другого элемента, создает ситуацию обязательности выбора еще одного элемента (значение единственного числа в глаголе прошедшего времени требует указания рода). Это система сочетающихся элементов. Во-вторых, замкнутая группа элементов, из которой мы выбираем один, исключа тем самым остальные, также системно организована. Но это другая система, система взаимоисключающихся элементов. Обе системы связаны. Их взаимодействие и позволяет появиться нулевому знаку.

Такой знак предельно условен, так как, будучи "ничем", обозначает нечто. Вместе с тем он целиком зависит от связей с другими знаками, и в этом смысле, как это ни парадоксально, его условность равна нулю.

Обратим внимание на то, что значение глагола прошедшего времени, требующее при себе значений числа и рода,- само результат выбора, сделанного в процессе речи. То же или почти то же содержание мы могли бы передать, использовав неопределенную форму данного глагола, причастие, обойдясь и вовсе без глагола (Залито водой? Удалось залить водой? Там теперь вода?

и т. д.). Это изменило бы условия выбора или вовсе отменило бы необходимость выбирать одно из четырех окончаний, о которых шла речь.

Правда, абсолютной свободы выбора язык нам, конечно, не

дает. В диалоге возможность выбирать ограничивается уже тем, что многое выбирает собеседник, и творцов текста, таким образом, по крайней мере двое. Только кажется, что монолог дает полную свободу говорящему. На самом деле адресат речи и вся обстановка общения оказывают на говорящего большое влияние, во многом предопределяют выбор.

И все же в языке очень часты случаи, когда, как в разобранном примере, конкретная ситуация обязательного выбора создается нашим же предшествующим выбором. Такая ситуация управляема, и при желании ее можно избежать. Речь так устроена, что почти всегда, столкнувшись с затруднениями в выборе языковой формы (например, таинствен или таинственен, обусловливает или обуславливает [Более правильными считаются таинствен(таинственвн ощущается уже как несколько устаревшая форма) и обусловливает (хотя допускается и обуславливает)]), мы можем перестроить высказывание так, что отпадет сама необходимость выбора между смущающими нас формами. Искусство говорить и писать без ошибок - ив самом деле искусство. Оно заключается не только в знании правил, но и в умении избегать сомнительных речевых ситуаций.

В общении людей нередко возникают ситуации, требующие выбора одного из этикетных знаков. Вот встретились знакомые.

Законы общения обязывают их немедленно подтвердить или опровергнуть "состояние знакомства". Не выбирать ситуация не разрешает. Первый вариант поведения: поклон, словесное приветствие, операция со шляпой, какой-либо другой знак знакомства или сочетание этих знаков. Второй вариант: никаких знаков знакомства.

В условиях обязательности выбора второе превращается в нулевой знак, исключающий значения первых. Его содержание таково:

"мы с вами не знакомы".

Способы обозначить "состояние знакомства" или отсутствие его входят, как мы теперь знаем, в систему взаимоисключающихся элементов, а вот связи сочетаемости выходят за пределы знаковой системы в саму жизнь: требование выбирать предъявлено здесь определенной жизненной ситуацией, самим фактом встречи двух людей. Это как раз один из важных признаков этикета, характерная особенность его строения. Системность этикетных знаков такова, что связи сочетающихся элементов в этикете гораздо более внешние, чем в языке.

Давно вошло в обычай посылать по праздникам поздравлени знакомым и близким. Текст поздравлений может быть теплым и искренним или достаточно формальным и трафаретным, но в

роли знака выступает уже сам факт поздравления, ставший ритуалом.

Помните, как писал Пушкин?

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...

Пищу пушкинской иронии дает условность этих поздравлений.

Итак, праздник - это возникающая независимо от нас и освященная обычаем ситуация, которая настоятельно требует выбора:

поздравить или не поздравить. В том, что последнее - тоже знак, мы убедились.

Допустим, что поздравление не послано. Причин могло быть много: мы поздно спохватились, забыв не об адресате, а о приближении праздника; возникло сомнение, помнит ли нас адресат и не сочтет ли поздравление навязчивостью; мы мучались над листом, но так и оставили его, не решив, следует писать Дорогой или Многоуважаемый, затерялся адрес, не нашлось подобающего случаю конверта и т. п. С нашей точки зрения, знак не был послан, ни положительный, ни отрицательный: просто система связи не была включена. Однако это неверно. Ведь сигнал выбора - праздник - отменен не был. Не будем утешаться тем, что система будто бы не действовала. Сигнал к началу ее работы подавался - увы! - не нами. Сообщение не было послано, но адресат его получил, и оно не было приятным.

Правда, здесь нужно сделать оговорку. Понятно, что система связи не идеальна. Посланное письмо могло и затеряться.

Значит, полной уверенности в том, что оно не отправлено, у адресата нет. Однако и в том, ч го его послали, адресат не убежден. А поскольку вероятность потери письма незначительна, то его отсутствие скорее всего будет все-таки воспринято как нулевой знак.

Роль нулевых знаков в этикете так велика, что некоторые ученые считают значимыми прежде всего отклонения от этикетных норм, пропуски этикетных знаков. Отказ от этикетных знаков, когда ситуация требует их применения,это нередко сообщение чрезвычайной важности. Не поздороваться, не попрощаться, не извиниться, не поздравить, не поблагодарить... в

условиях обязательности этикетных знаков означает либо то, что мы понимаем ситуацию совсем не так, как ее понимает наш партнер, либо наше неумение общаться, то есть недостаточное владение нормами поведения, либо стремление прервать доброжелательные отношения, а может быть,- и отношения вообще. В любом случае это сигнал необычайно тревожный! Нулевой знак исключает смысл не только отдельных этикетных знаков, которые необходимы в конкретной ситуации, но и системы этикета в целом, а так как эта система связана с нравственными основами общества, то каждое отступление от нее чрезвычайно существенно. Замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский писал: "Мы говорим друг другу: здравствуйте, доброго вам здоровья. В этих словах заключается глубокий моральный смысл:

в них самая сущность прикосновения души к душе. Этими словами мы выражаем свое отношение к величайшей ценности - человеку. Не сказать человеку здравствуйте - значит показать моральное невежество". То, что приветствие - не "только внешн форма", подчеркивал М. И. Калинин. "...Как же эго мы, члены одного воинского братства,- говорил М, И. Калинин слушателям Военно-политической академии,- бойцы и командиры самой революционной армии, которым придется, быть может, стоять в бою плечом к плечу, которым придется, может быть, вытаскивать друг друга из огня, из кровопролитного боя ранеными, а возможно, и убитыми,- как же мы не отдадим друг другу воинских почестей?"

А что такое пионерский салют? В специальном Положении о пионерских символах, атрибутах и ритуалах, которое утверждено Центральным Советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, сказано: "Пионерский салют - это приветствие и традиционный знак верности пионеров идеям коммунизма и пролетарского интернационализма". Значит, и салют - не только приветствие, но и символ большой общественной важности.

О ПРАВИЛАХ ПРИЛИЧИИ И ДАМАХ ГОРОДА N

В каждой общественной группе исторически складываются, а иногда и сознательно устанавливаются типичные для членов группы формы поведения. Являясь обычными для входящих в нее людей, они становятся признаками принадлежности к тому или иному коллективу. Недаром говорят о "спортивной внешности"

(как у спортсмена), о "дипломатической вежливости", о "менторском тоне" (как у поучающего).

Особенности поведения - признак принадлежности к общественной группе. Вот почему люди постоянно заботятся о

том, чтобы поступать таким образом, как принято в той группе, к которой они себя относят. Так возникают правила приличия. Где, например, должны находиться локти, когда сидишь за столом, прилично ли пить из блюдца, можно ли лакомиться мозговой косточкой, едят ли рыбу с помощью ножа и т. д. и т. п. Правила приличия распространяются не только на поведение за столом, но и на то, как следует ходить, стоять, писать, говорить, слушать, смотреть, причесываться, одеваться, проводить время, относитьс к другим людям, к своим удачам и неудачам, как переносить боль, страдание, на чем ездить, куда ездить, что читать, чем увлекаться и на многое, многое другое, то есть на все, что способно обозначать принадлежность человека к той или иной общественной группе.

Человеческое общество - коллектив, оно имеет свою внутреннюю организацию. И каждый из нас выполняет ту или иную социальную роль, которая соответствует его положению в коллективе. В обществе всегда существуют представления о том, каким должно быть поведение человека в той или иной роли: взрослого и ребенка, юноши и девушки, учителя и ученика, штатского и военного, отца и сына, начальника и подчиненного, пионера, комсомольца, брата, друга, приятеля, знакомого... Когда мы призываем кого-нибудь быть настоящим товарищем или вести себя так, как ведут себя школьники, то это возможно лишь потому, что есть общепринятые представления о поведении настоящих товарищей и настоящих школьников.

Что скрывается, например, за выражением типа "Ты уже не маленький"? Маленький, большой - это названия одних из самых распространенных в обществе ролей. Подтекст выражени примерно таков: "Поскольку ты уже не маленький, то не должен вести себя так, как обычно ведут себя только маленькие. Поступай так, как поступают большие. Все теперь этого ждут от тебя. Берись за роль взрослого!"

Перечитайте "Детство", "Отрочество" и "Юность" Л. Н. Толстого, понаблюдайте за своими подругами и друзьями, вспомните, наконец, мотивы многих собственных поступков, и вы убедитесь, какое большое место занимают в определенном возрасте желание во всем походить на большого и страх показатьс маленьким.

Измеряя отношения людей, мы, по сути дела, сравниваем их социальные роли - их роли по отношению друг к другу и роли в обществе. Сами по себе правила приличия отношений между общающимися не выражают. Может ли человек, сидящий за одним столом с нами, определить, как мы к нему относимся, только по тому, держим мы нож в правой руке, а вилку в левой

или наоборот?

Но подчинение определенным правилам поведения - это признак общества, к которому мы принадлежим. Поэтому приличное, то есть свойственное тому или иному коллективу, поведение помогает ориентироваться в обществе и, следовательно, имеет самое непосредственное отношение к этикету. У правил приличия есть функция пароля: он ведет себя, как мы,- значит, он свой, пароль ему известен.

Например, как пароль, который позволяет отличить дворянина от крестьянина или слуги, рекомендовались правила поведения в составленном по инициативе Петра I нравоучительном приложении к азбуке "Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению". В нем молодому человеку предлагались манеры ".прямого придворного кавалера" и заодно воспитывалось высокомерное отношение к "мужику". Юноша должен "часто одного дела не повторять, на стол, на скамью или на что иное не опираться, и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять прямо". "Над еством не чавкай, как свиния, и головы не чеши, не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне". "Также имеет оный стретившего на три шага не дошед и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять. Ибо вежливому быть на словах, а шляпу держать в руках не убыточно, а похвалы достойно; и лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный Кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого:

он есть спесивый болван". "Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли:

а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать..." И т. д.

После Великой французской революции император Павел запретил носить круглые шляпы. В следовании модам революционной Франции русское монархическое общество видело признак солидарности с ней. Показателен именной указ Павла от 28 июня 1798 г. о разжаловании и наказании городничего Пирха, одним из главных проступков которого было то, что он ходил во фраке и в круглой шляпе "и сею неблагопристойною одеждою ясно изображал развратное свое поведение". Неудавшаяся попытка Павла вывести из употребления в России слово гражданин также объясняется стремлением противопоставить манеры русского общества (в данном случае - речевые) манерам революционной Франции.

Любая особенность поведения может начать восприниматьс как обязательное правило приличия, если становится признаком общественного положения человека. Евгений Онегин, как мы помним, встает очень поздно. Но это вовсе не личная его черта, а почти непременная особенность распорядка дня франта того времени. Говоря о дне светского человека онегинской поры, советский литературовед и специалист в области теории и истории культуры Ю. М. Лотман пишет: "Между тем право вставать как можно позже являлось своего рода признаком аристократизма, отделявшим неслужащего дворянина не только от простонародья или собратьев, тянущих фрунтовую лямку, но и от деревенского помещика-хозяина. Мода вставать как можно позже восходила к французской аристократии "старого режима" и была занесена в Россию эмигрантами-роялистами. Парижские светские дамы предреволюционной поры гордились тем, что никогда не видели солнца: просыпаясь на закате, они ложились в постель перед восходом. День начинался с вечера и кончался в утренних сумерках... Просыпаться позже, чем другие люди света, имело такое же значение, как являться на бал позже других" (Л о тм а н Ю. М. Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий. Л., 1980).

Для трудового человека спать до полудня - не достоинство, а позор.

Русскими крестьянами сложены пословицы: "Лежебоку и солнце не в пору восходит", "Не пеняй на соседа, когда спишь до обеда".

Бодрый ритм жизни молодых хозяев советской страны - рабочих наших дней - поэтически выражен в строках из стихотворения Я. Смелякова "Проходная":

В час предутренний под Москвой
на заставе заиндевелой
двери маленькой проходной
открываются то и дело.
И спешат наперегонки
через тот теремок дощатый
строголицые пареньки,
озабоченные девчата.

Одним из самых ярких признаков принадлежности к коллективу являются особенности речи. Родной язык связывает нас со всеми, для кого он тоже родной. И неродные языки (ими мы овладеваем позже родного, изучая их специально) могут быть заметным социальным признаком. В прошлом веке умение свободно говорить по-французски было выражением аристократизма, французский язык нередко ценился не только

как средство общения, открывающее доступ к богатой западной культуре, но не в меньшей мере и как социальный признак, а в некоторых случаях его роль социального символа оказывалась самой главной. Отставной пехотный офицер Анучкин в пьесе Н. В. Гоголя "Женитьба"

чрезвычайно обеспокоен тем, что невеста, возможно, не знает французского. Проверить свое предположение он не можег, гак как сам по-французски не говорит. Женщина же, с его точки зрения, должна владеть французским непременно: "А нет, нет. Женщина совсем другое дело. Нужно, чтобы она непременно знала, а без этого у ней и то, и это... (показывает жестами) - все уж будет не то".

Сама русская речь различна. В ней отражается уровень образованности говорящего; она варьируется в зависимости от территории, так как существуют местные диалекты; у нее есть профессиональные и возрастные черты; она не вполне одинакова в устах мужчин и женщин; и все эти особенности могли иметь и часто сейчас имеют значение социальных символов.

В рассказе В. М. Шукшина "Сельские жители" есть такой эпизод. Сельский школьник под диктовку бабушки пишет телеграмму.

Вечером составляли телеграмму в Москву. Шурка писал, бабка диктовала.

- "Дорогой сынок Паша, если уж ты хочешь, чтобы я приехала, то я, конечно, могу, хотя мне на старости лет..."

- Привет! - сказал Шурка.- Кто же так телеграммы пишет?

- А как надо, по-твоему?

- Приедем. Точка. Или так: приедем после Нового года. Точка. Подпись: мама. Все.

Бабка даже обиделась.

- В шестой класс ходишь, Шурка, а понятия никакого. Надо же умнеть помаленьку!

Шурка тоже обиделся.

Малограмотная бабушка Маланья телеграфным стилем не владеет. Не часто приходилось ей посылать и получать телеграммы. Совет знающего человека она учтет, но в подчеркнутой краткости предложенного Шуркой варианта ей не хватает обстоятельности и чудятся невежливая, неуважительная поспешность и обидная для сына резкость. Шурка же чувствует, что явитьс на почту с телеграммой, какую диктует бабушка, значит, показать себя человеком несовременным, неученым и деревенским, что, наверное, кажется ему особенно неприятным, поскольку телеграмма идет в Москву. Недаром в письме дяде, как бы извиняясь, он пишет: "Мы же все-таки сельские жители еще".

Но бабушка настаивает:

- Пиши дальше: "Мне, конечно, боязно маленько, но уж... ладно. Приедем после Нового года. Точка.

С Шуркой Он уж теперь большой стал. Ничего, послушный парень..."

Шурка пропустил эти слова4 - насчет того, что он стал большой и послушный.

- "Мне с ним не так боязно будет. Пока до свиданья, сынок. Я сама об вас шибко..."

Шурка написал "жутко".

- "...соскучилась. Ребятишек твоих хоть посмотрю.

Точка. Мама".

Употреблять слово привет, как это делает Шурка, могут только молодые, и писатель явно рассчитывает на наше знание этой речевой приметы. Литературной речью Шурка, конечно, еще не овладел. Образование у него пока небольшое, хотя он и сейчас уже грамотнее бабушки. Просторечные слова боязно, маленько Шурку еще не смущают, он и сам пишет охота Москву поглядеть, а вот диалектное слово шибко он не потерпел, заменил. Правда, заменил не литературным, а распространенным в молодежном жаргоне словом жутко. Видно, показалось оно ему более выразительным.

Речь автора в этом рассказе В. Шукшина литературна, и на ее фоне хорошо выделяется своеобразие речи бабушки и Шурки. Языковые приметы горожан и негорожан, людей разной степени образованности, разного возраста, разных устремлений намеренно сталкиваются автором, и читатель четко различает за этими языковыми приметами социальные характеристики персонажей.

В разное время разные речевые особенности играют роль социальных признаков. Одной из примет высококультурного человека в начале нашего столетия было то, что в его речи слова, заимствованные из других языков, сохраняли в своем составе отдельные звуки языка-источника, например, носовые а, 6, звук 6 и другие. К. И. Чуковский писал об А. Блоке: "Слова, которые обрусели недавно, он произносил на иностранный манер: не мебель, но мэбль (meuble), не тротуар, но trottoir (последние две гласные он сливал в одну)". По поводу слова "тротуар"

у Блока Чуковский добавляет: "И вводя это слово в стихи, считал его по-французски-двусложным: "И сел бы прямо на тротуар". Слово "шлагбаум" было для него тоже двусложным".

Сегодня заимствованные слова в гораздо большей мере подчиняются фонетическим законам русской речи, но особое значение социального символа за их произношением сохраняется:

ошибка в заимствованном слове чаще всего оценивается как более грубая, чем подобная ошибка в словах исконно русских. Например, много писали и пишут о том, что в слове звонит ударение должно падать на конечный слог. Но какое отклонение от нормы вызовет большее осуждение: неверное произношение "звонит"

или "магазин", "портфель" вместо правильного магазин, портфель? Ошибка в двух последних словах - это слова заим ствованные - осуждается обычно гораздо строже.

Один из важнейших признаков, по которому мы узнаем сегодн культурного человека,- это сдержанность и ритмичность его речи. Человек культурный не допускает резких колебаний громкости и высоты своего голоса. Понаблюдайте за тем, как говорят окружающие, и вы убедитесь в справедливости этого замечания.

Парольное значение имеет и молодежный жаргон. Это выражение возрастной солидарности, средство подчеркивать единство своей группы, принадлежность к ней тех, кто общается с помощью жаргона. Например, школьники нередко употребляют такие сокращенные обозначения учебных предметов, как матика, ино, физра, литра 'литература', необщепринятые сокращения велик, маг, пласт 'граммофонная пластинка', свои названия людей, частей тела, особенностей поведения и т. д.

Московская восьмиклассница, очень симпатичная героиня рассказа Виктории Токаревой "Самый счастливый день", размышляет: "Машка Гвоздева безусловно попадет в интеллигенцию, потому что от ее мозгов гораздо больше пользы, чем от ее рук.

А у меня ни рук, ни мозгов - один словарный запас. Это даже не литературные способности, просто я много знаю слов, потому что много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совершенно не обязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: точняк, нормалёк, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: "Ну да, в общем-то..."

и "Ну, в общем-то, конечно".

То, что у школьников появляются слова, отличающиеся от слов, которыми пользуются взрослые,- это вполне естественно.

Однако едва ли стоит с готовностью подхватывать любое слово, которое употребляют сверстники, лишь потому, что оно не такое, как у взрослых. За яркостью, образностью жаргонного слова нередко стоит и пренебрежительное отношение к участникам общения (в том числе и к самим себе). Присмотритесь, например, к таким жаргонным названиям, как

грабли, кегли, заготовки со значением 'руки', пачка, буханка, вывеска со значением 'лицо', варежка 'рот' и подобным. Кроме того, молодость вовсе не мешает человеку входить одновременно и в круг людей культурных, а у этого круга речевые приметы совсем другие. Целиком подчинить свою речь жаргону или хотя бы переходить на него во всех случаях общения со сверстниками, обходясь несколькими десятками слов,- это значит обеднить свою жизнь, резко ограничить сферу, в которой мы действуем как люди культурные Вспомните своих одноклассников. Одинаково ли часто прибегают они к помощи жаргона? Несомненно, одни - чаще, другие - реже. От чего это зависит? Кто из нькх и чем больше нравится вам? А как эти ребята к вам относятся?

Говоря о формах поведения, нельзя забывать о том, что многие из них лишь внешние приметы положения человека в обществе, лишь внешние признаки его общественной роли. Например, хотя и существует молодежная мода, однако манера одеваться - не главное, по чему мы узнаем молодых людей.

Это относится и к речевому поведению. А. М. Горький в течение всей своей жизни "окал", то есть сохранял элемент диалектного произношения, но это не мешало его современникам и не мешает нам с вами считать его одним из самых культурных представителей своей эпохи.

Привычку придавать внешним приметам главенствующее значение остроумно высмеял Антуан де Сент-Экзюпери, введя в "Маленького принца" великолепную "историю" открытия астероида:

У меня есть веские основания полагать, чго Маленький принц прилетел с планетки, которая называется астероид Б-612. Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но ему никто не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида Б-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде - и все с ним согласились.

Ни в коем случае не стоит путать признак с самим явлением, которому он принадлежит, тем более что пароль могут знать и осознанно применять "чужие".

Ситуации, в которых люди, используя определенную манеру поведения, выдают себя не за тех, кем на самом деле являются,

довольно часты. Чем меньше у человека реальных оснований быть отнесенным к той или иной группе, тем важнее для него чисто внешние признаки и тем более самостоятельное значение он им придает. В 1836 г. в связи с постановкой гоголевского "Ревизора" о нем много писали, к некоторые критики порицали язык комедии как грубый, "простонародный". Так, негодование вызвало использование слова воняет во фразе Хлестакова:

"Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем". В ответ на замечание, что такого и порядочный лакей не скажет, Вяземский писал: "Впрочем, критик, может быть, и прав; зо всяком случае мы спорить с ним не будем. Порядочный лакей, то есть что называется un laquais endimanche, точно, может быть, постыдитс сказать воняет, но порядочный человек, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в гостиной, и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении собственных слов; жеманство, чопорность, щепетность, оговорки - отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество".

В это время работа над "Мертвыми душами" уже была начата.

В 8-й главе I части "Мертвых душ" Н. В. Гоголь написал:

Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностию и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: "я высморкалась", "я вспотела", "я плюнула", а говорили: "я облегчила себе нос", "я обошлась посредством платка".

Ни в коем случае нельзя было сказать: "этот стакан или эта тарелка воняет". И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: "этот стакан нехорошо ведет себя" или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, пофранцузски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых.

Итак, манеры поведения - важный социальный признак.

Внимательный наблюдатель многое увидит за ними, многое узнает о человеке, которому они принадлежат. Но не будем отождествлять сущность человека с его манерами и постараемс сами не придавать этим внешним признакам большего значения, чем они заслуживают. Мы же не дамы города N!

ВЕЖЛИВОСТЬ

Широко известны слова Сервантеса: "Ничто не обходитс нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость".

В них подчеркивается огромная важность результата, достигнутого путем "простой" вежливости, без каких-либо чрезвычайных усилий. Вежливость главный способ применения этикетных знаков. Но какой именно? Попробуем разобраться в этом, идя от противного, от представления о том, что считается невежливым.

Старинный обычай предписывал членам ингушской семьи (данный факт сообщил нам фольклорист А. О. Мальсагов)

при движении по дороге располагаться в определенном порядке.

В центре первой линии находился глава семьи, справа и слева от него родственники в порядке убывающей значимости, причем место справа оценивалось выше, чем место слева. Первенство, то есть относительная важность роли, четко определялось обычаем, по которому, например, кровный родственник имел преимущество перед родственником по свойству, а лица одной степени родства оценивались в основном по возрасту, поэтому группа из пяти родных братьев строилась бы так: 5 3 1 2 4.

Первым номером обозначен здесь старший брат, соответственно пятым номером - младший. Любой человек, встретивший процессию, если ему были известны особенности национального этикета, легко, даже не будучи знаком со всеми членами семьи, определял по их положению относительную важность каждого и знал, в каком порядке следует приветствовать членов процессии.

Что было бы в данном случае нарушением вежливости?

Нарушением вежливости со стороны участника процессии по отношению к другим ее участникам было бы стремление занять место более высокого ранга, чем ему положено, например попытка третьего номера занять место второго, оттеснив его на более низкую ступень. Со стороны встречного невежливым было бы приветствовать членов семьи не в том порядке, который соответствует общим представлениям о первенстве и отражен в структуре процессии. Недопустимо вначале обменяться рукопожатием с младшим братом и лишь затем - со старшим. Наконец, с обеих сторон было бы невежливым выбрать такую форму приветствия, которая отводила бы приветствуемому менее высокую роль, чем та, на которую он может претендовать.

Значит, невежливым обычно является то этикетное действие, которое отводит адресату роль ниже, чем положено ему в соответствии с принятой в данном обществе системой ценностей.

Тогда вежливым этикетным действием можно назвать то, которое отводит адресату место (роль) не ниже, чем положено

ему в соответствии с принятыми в данном обществе представлениями.

Что такое "не ниже"? Это может быть как раз тем самым местом, на которое рассчитывает или вправе рассчитывать адресат, но, кроме того, это и различные ступени выше его. Все они находятся "не ниже" положенного, все они - в зоне вежливости. Точно так же признак "ниже" имеет свою градацию.

Иначе говоря, у вежливости и невежливости есть многочисленные степени и оттенки. В русском языке они обозначаются такими словами, как вежливо, невежливо, корректно, учтиво, галантно, заносчиво, высокомерно, грубо, спесиво, манерно, церемонно и т. д.

Слово галантный в одном из словарей современного русского языка поясняется так: "изысканно вежливый и любезный по отношению к женщинам". Не просто вежливость, а изысканность, то есть особая утонченность форм этикета; любезность или внимание и готовность помочь, оказать услугу, и, наконец, выделение женщины как особо уважаемого адресата - вот своеобразные оттенки того, что принято называть галантностью.

У поведения корректного свои черты. Человек корректный, как определяется в том же словаре, "ведет себя в полном соответствии с существующими правилами поведения". В полном соответствии! Корректное поведение не просто правильно отражает распределение ролей, но отражает его пунктуально правильно, и потому оно сдержанно. Это тоже вежливо, вежливо...

и только. Человек корректный не обидит Золушки, но в его глазах ей никогда не увидеть себя принцессой. Зато в зеркале галантности это возможно. Значит, галантность льстит? Нисколько. Просто она доброжелательна и умеет дарить; ведь в отношениях между людьми есть что-то такое, что иногда появляется лишь после того, как его уже заметили. Утонченная вежливость способна их замечать.

А вот высокомерие, спесивость, чванство почти слепы. Собственное место представляется их немощному зрению находящимся так высоко, что с этой воображаемой высоты чужие роли едва различимы. Немногим лучше манерное самоуничижение и церемонность. Вспомним классическую в этом отношении сцену беседы Манилова с Чичиковым:

- ...Случай доставил мне счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...

- Помилуйте, что же за приятный разговор? Ничтожный человек, и больше ничего,- отвечал Чичиков.

- О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостью отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь

часть тех достоинств, которые имеете вы!

- Напротив, я бы почел с своей стороны за величайшее...

Это уже, конечно, не столько вежливость, сколько та церемонность, о которой в одной старинной книге говорится: "Себя в почтении содержать изрядно, но оберцеремониймейстером прослыть - весьма смешно и бесчестно. Мудрые советуют, чтоб вместо церемонии какую др"гуго добродетель иметь".

Если бы нам удалось заглянуть "по ту сторону" вежливости, мы, несомненно, прочли бы "на обороте": достоинство.

Потому что место, роль, на которые претендует человек, то есть его представление о ценности собственной личности в обществе,- это и есть достоинство. На достоинство человека, на то, чтобы не унизить, не оскорбить его, ориентируется вежливость.

Конечно, в каждом типе общества достоинство определяетс по-своему. В обществах, основанных на угнетении одних классов другими, угнетенным отказывают в достоинстве. Они получают его лишь в борьбе за свободу, независимость, равноправие.

В обществе буржуазном достоинство человека в значительной мере определяется его достатком, имущественным положением.

И только социалистическое общество, подлинно свободное от социального неравенства, дает каждому своему члену равное право на достоинство. Превратит ли он это право в действительное достоинство, зависит от многого и прежде всего - от личных моральных качеств человека, от того, на что направлены его действия в обществе, насколько все его поведение соответствует принятому в обществе представлению о достойном. Поэтому достоинство нельзя получить, как подарок в день рождения, его нужно утверждать самому.

А В ЯЗЫКЕ - ПО-ДРУГОМУ

О чем можно рассказать с помощью слов? Решительно обо всем. Нет в мире таких явлений, которые были бы нам известны и о которых в то же время нельзя было бы поведать на языке. Более того: стоит только появиться в поле зрения человечества чему-то совершенно новому, дотоле неизвестному, как язык тут же предоставит нам возможность обсуждать и это явление.

Следовательно, и то, что обозначается несловесными этикетными знаками, может быть передано словами? Пожалуй. Мы уже знаем, что этикет - одно из средств общения. Чем же отличаютс знаки этикета от слов языка?

Вспомним хотя бы дневник Печорина. Он весь посвящен отношениям с людьми. Отношения прошлые и настоящие, отношения будущие, безусловные и возможные лишь при

некоторых условиях, отношения предчувствуемые, желаемые, планируемые, предполагаемые, устанавливаемые, прерываемые... Эти отношения то прямо называются в речи, то обрисовываютс через связанные с ними человеческие действия, мимику, позы, то передаются сложными ассоциациями с чертами окружающего мира, то выражаются описанием этикетного поведения, поскольку этикет и его использование могут так же входить в содержание речи, как и все остальное, что только способен осознавать человек. Вот характерный отрывок из "Героя нашего времени":

Вчера я встретил ее в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за, это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Разнообразные и сложные человеческие отношения, которые отразились в этих нескольких предложениях, конечно, далеко выходят за рамки того, что обычно бывает передано этикетными знаками.

С помощью речи нетрудно сообщить обо всем, о чем информируют несловесные знаки этикета (границы коллектива и распределение в нем ролей), и о многом ином, чего этикетными знаками никак не передать. И дело не столько в том, что этикет как средство общения "слабее" человеческой речи, сколько в том, что у них разная направленность. Этикет приспособлен для облегчения ориентации в коллективе, и его знаками отмечаются не все, а лишь обобщенные отношения, о которых мы уже говорили. Если речь может представлять отношения во всей их сложности и конкретности, отмечая случайное наряду с существенным, мимолетное вместе с устойчивым, то этикет расставляет лишь главные вехи. Но и это делается на языке этикета не так, как на языке слов.

Например, может показаться, что фразе Печорина Мы встретились старыми приятелями (речь идет о встрече с Грушницким) довольно легко найти точное соответствие в этикете, достаточно лишь выбрать один из знаков фамильярности.

У Лермонтова как будто даже и упомянут такой знак:

- Печорин! Давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись.

Точно ли соответствуют объятия фразе Мы встретились старыми приятелями? Нет, какой бы простой ни казалась эта фраза в сравнении с приведенным выше отрывком, главные различия между речевыми сообщениями и сообщениями с помощью знаков этикета сохраняются и здесь. Попробуем пренебречь тем, что обняться при встрече могут или должны не только старые приятели (специального знака для отношений "старых приятелей" в системе этикета нет: "объятия" явно шире по значению), отвлечемся, таким образом, от отмеченных уже различий между речью и этикетом в степени конкретности.

Попробуем даже упростить фразу. Придадим ей вид: Мы старые приятели. Все равно между содержанием объятий и фразы Мы старые приятели поставить знак равенства нельзя.

Во-первых, речи свойственно грамматическое в р ем я. Это значит, что речь представляет отношения либо как одновременные акту говорения, то есть существующие в тот же момент, либо как предшествовавшие ему, либо как такие, которые последуют за ним. Момент речи служит лишь точкой отсчета. Можно сказать: Мы были старыми приятелями, Мы старые приятели, Мы будем старыми приятелями. Сказать можно, но можно ли так обняться, чтобы было ясно, что наши объятия относятся только к прошлому или будущему, а в настоящее время между нами дружеских отношений нет? Видимо, нельзя. Время у несловесных этикетных посланий одно: сейчас.

Это не грамматическое, а реальное время той ситуации общения, в которой употреблен этикетный знак.

Во-вторых, в речи не только сообщается, что "мы старые приятели", но и указывается, чье это мнение. Сравните:

Мы старые приятели._____|_Мысль принад
Я знаю, что мы старые приятели. {_лежит мне, го
По-моему, мы старые приятели.__|_верящему.
И т. д.
Ему кажется, что мы старые приятели._|_Это чужое мне
По-твоему, мы старые приятели._____{_ние, не мое.
Считается, что мы старые приятели._|
И т. д.

Следовательно, мои слова могут содержать ссылку на чужое мнение и передавать его. Этикет же и такой возможности, по-видимому, не имеет.

Заменим в интересующей нас фразе "мы" на "они": Они старые приятели. Ситуация осталась та же, но изменилась точка зрения, с которой ситуация описывается. Теперь о ней говорит не участник, а посторонний. Человек выражает мнение об

отношениях, в которые сам не вступает. Возможно ли такое в этикете? И этого передать знаками этикета, конечно, невозможно. Этикет выражает только наше представление о ситуации, которая образована нашими отношениями с партнерами.

В-третьих, речь позволяет рассматривать все элементы ситуации отдельно, так как каждый участник ситуации, каждое действие, каждое обстоятельство, каждое отношение или отдельные группы этих элементов могут быть обозначены словами (я, Грушницкий, княжна, удъютанты, мы, ты, они встречаться, кланяться, быть старыми приятелями и т. д.).

В отличие от сообщений речевых, сообщения, сделанные "на языке этикета", передают ситуацию нерасчлененно, в целом, не выделяя и специально не обозначая отдельных ее составляющих.

И то, что содержание этикетных посланий нерасчлененно и тесно связано с ситуацией, лишает возможности передавать с помощью этикета мысли, даже мысли о границах коллектива и распределении в нем ролей. Этикет не выражает понятий, не называет ситуаций, но, выражая человеческие отношения, передает и наши представления о них.

Среди предложений выделяют вопросительные, невопросительные, повествовательные, побудительные. Теперь нам уже понятно, что и это к этикету не относится. Различие между этикетом и языком слишком велико.

Однако мы говорили о том, что у этикета и речи есть общие единицы. Обратимся к этим единицам.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Присмотримся повнимательнее к таким высказываниям, как "Спасибо", "Пожалуйста", "Будьте здоровы", "Добрый вечер" и подобным. К чему они ближе по своим свойствам:

к обычной речи или к этикету?

Во-первых, эти высказывания неотделимы от той ситуации общения, в которой их используют. С помощью обычно построенной речи можно сообщить, что кто-то кого-то благодарил, благодарит, будет благодарить или благодарил бы при некоторых условиях. Можно выразить и соответствующее побуждение, прибегнуть к форме вопроса, отрицания. Выражение же "Спасибо!" не имеет грамматического наклонения, врелица, числа. Нет смысла говорить о нем как о вопросительном или невопросительном, повествовательном, победительном. Оно непосредственно выражает отношения благодарности, которые связывают в момент речи меня (говорящее) и того, к кому обращена речь. В этом смысле кет существенной разницы между "Спасибо!", рукопожатием или любым другим несловесным знаком благодарности.

Во-вторых, значение этих устойчивых выражений (формул)

нерасчлененно; как правило, в них нет отдельных значимых частей к они выражают цельнее представление о ситуации. Если в ответ на свое "Доброе утро!" услышим: ".Не такое уж оно сегодня доброе", то это не более чем каламбур, потому что наше приветствие вовсе не означает, что утро хорошее и что сейчас хорошее утро. Просто утром принято отмечать нача ло общения, особенно со знакомыми, этим устойчивым выражением, которое можно было бы заменить в отдельных случаях и неречевым знаком, например поклоном.

Наконец, как и несловесные знаки этикета, "Спасибо!", "Доброе утро!", "Здравствуйте!" и подобные формулы вежливости мыслей, конечно, не выражают.

Значит, формулы вежливости - типичные этикетные знаки.

Но своей звуковой материей, тем, как организована их форма, они подобны обычным O.QBPM. Формулы вежливости порожден!

речью и не порывают с ней, хотя и играют в обшеьии ту же роль, что и этикет. А у некоторых из них, например у тради ционных поздравлений, устойчивым (формулой) оказываетс вообще только сам скелет выражения, а конкретное наполнение его словами может достаточно свободно меняться Так, форму - ле "предлог с + название события в т верительном падеже" соответствуют фразы: С успехом! С днем рождения! С новосельем"

С праздником! С Новым годом! и многие, многие другие. Эти выражения полностью в форму ты еще не превратились Одни из самых употребительных формул вежливости - фор мулы приветствия.

Когда встречают знакомых, им говосят "Здравствуйте!" ил"

"Привет!", иногда - "Приветствую Вас!". И конечно, никогда не соединяют разные приветствр!Ч в десте типа "Приветствую Вас, здорово!" или "Мое почтение, привет!". Это было бы со вершенно невозможно, потому что каждая формула приветстви имеет свое собственное употребление, выражает особые отношения, связана с определенной ситуацией.

Так, формула "Привет!" выражает близкие, непринужденные отношения и широко распространена среди молодежи. Очень вежливыми и полными достоинства являются приветствия "Мое почтение!", "Доброго здоровья!", но ими пользуются чаще всего люди пожилые.

"Здорово!" - мужское приветствие. Оно фамильярно, несколько грубовато и имеет просторечный характер. Если Вам не хочется выглядеть человеком малообразованным и недостаточно владеющим нормами литературной речи, старайтесь избегать

этого приветствия. И уж конечно, его никак нельзя рекомендовать девушкам!

В случаях официальных, торжественных, особенно при обращении к большой аудитории, говорят: "Приветствую вас!" или "Позвольте (разрешите) вас приветствовать!"

И во всех ситуациях уместно приветствие "Здравствуйте!".

Оно универсально, поэтому, употребляя его, мы не рискуем ошибиться.

Наверное, каждому из нас приходилось слышать и такие приветствия, как "Салют!", "Приветик!". Они встречаются лишь в речи молодежи и выражают в ней отношения полной непринужденности, равенства, фамильярности. Однако будем помнить, что эти приветствия нелитературны. Они придают речи жаргонный характер и даже среди молодых людей возможны лишь между вполне своими.

Формулы приветствия играют большую роль в нашем общении. Здороваясь со знакомыми, мы подтверждаем этим свое знакомство и выражаем желание продолжать его. Нас беспокоит, когда хороший знакомый, проходя мимо, только слегка кивает головой или вовсе не замечает нас. Ведь перестать здороваться - означает прервать добрые отношения, прекратить знакомство! И наоборот: здороваясь с человеком, с которым мы раньше не общались, мы выражаем доброжелательное к нему отношение и намерение вступить в контакт. Поэтому, входя в учреждение, сначала здороваются и только потом начинают излагать свое дело. Занимая место в купе поезда, здороваются с будущими попутчиками. Так или иначе вступить в общение с ними придется. "Здравствуйте!" свидетельствует о готовности к общению и предлагает сделать его доброжелательным. В нашей стране существует старая деревенская традиция здороваться со всеми, кто идет навстречу, даже с незнакомыми. И это тоже знак уважения и расположения к людям.

У многих народов выбор приветствия зависит не только от возраста, пола и степени близости общающихся. На него влияет и другое, время суток например, и особенно то, кем являетс приветствуемый и чем он занят в данный момент. По-разному здороваются с пастухом и с кузнецом, с охотником, который идет на охоту, и с охотником, возвращающимся с добычей, с гостем и с попутчиком, с теми, кто занят работой, и с теми, кто обедает. В каждом случае звучит свое приветствие, особое пожелание. Именно из пожеланий и возникает большинство приветственных формул, поэтому первоначально они должны были быть очень разнообразными.

Замечательный знаток русской речи Владимир Иванович

Даль (1801 1872)привел в своем сборнике пословиц и поговорок немало приветственных формул, которые были приняты в России в прошлом. Здороваясь с заканчивающими жатву, говорили:

"С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным!" Молотильщикам так желали успешной работы: "По сту на день, по тысяче на неделю!" "Свеженько тебе!" - здоровались с девушкой, черпающей воду. "Хлеб да соль!" или "Чай да сахар!" - говорили едящим или пьющим.

Вежливый человек должен был не просто ответить на приветствие, но использовать в ответе специальную для каждого случая этикетную формулу. Когда женщине, занятой дойкой, говорили "Море под коровой!", у нее наготове уже был ответ: "Река молока!" Рыболова приветствовали: "Улов на рыбу!" "Наварка на ушицу!" - отвечал он. Женщине, которая месит хлеб, желали: "Спорынья в квашню!" (Спорынья - это удача.) "Сто рублей в мошну!" - был ее ответ.

До сих пор в отдельных русских деревнях на "Здравствуйте!" отвечают "Спасибо!", а в ответ на приветствие "Добрый день!" также желают хорошей погоды, вёдра.

Приветствие - один из самых важных знаков речевого этикета. С его помощью устанавливается контакт общающихся, определяются отношения между людьми. Поэтому не владеть формулами приветствия - это значит быть всем чужим, не уметь общаться. Недаром в русских народных сказках одним из признаков дурака является то, что он путает приветствия. "Носить - не переносить, возить - не перевозить!" - обращает он к участникам похоронной процессии то пожелание, которое в старину обычно адресовалось считающим деньги.

С приветствия начинается общение, поэтому приветственные формулы обязательный раздел двуязычных разговорников, которые издаются для туристов, спортсменов и всех, кго отправляется в чужие страны. Именно с формул приветствия нередко начинают изучение и описание языка. В 1696 г. в Оксфорде вышла русская грамматика, составленная побывавшим в России Генрихом Вильгельмом Лудольфом. Она должна была познакомить Западную Европу с языком Московской Руси. Грамматика была очень краткой, но к ней прилагались образцы текстов, и первый же приведенный в грамматике диалог был диалогом приветствия, а в специальном приложении можно было познакомиться с приветствиями утренними, дневными, вечерними и приветствиями, "когда змеркнет", то есть перед сном. Диалог утреннего приветствия у русских, как его передал Лудольф, в XVII в. был таким:

Добрый день! - Здравствуй! Слава Богу!

Желаю тебе доброго дня! - Такова ж и я тебе желаю!

Буди тебе добро сего дне! - И тебе не худо буди!

Со временем приветствия, конечно, меняются. Еще в XVIII в. формулы "Здравия тебе желаю!", "Желаю здравия!" мог произносить любой человек, входя в дом или встречая знакомого.

Лишь позже они закрепились в военной среде, сделались уставной формой. Когда-то "Здравствуй!" говорили не только при свидании с другим, но и если кто-нибудь чихал, то есть в тех случаях, в которых сейчас говорят "Будь здоров!" или "Будьте здоровы!".

Читая в былинах такие выражения, как "Аи ты гой еси, Илья Муромец!" или "Исполать тебе, добрый молодец!", мы понимаем, что "гой", "исполать" - это старинные приветствия, но сами давно уже их не употребляем.

Из богатого в прошлом набора специальных формул сохранились немногие. Устойчивее других оказались приветствия утренние, дневные, вечерние: "Доброе утро!", "Добрый день!", "Добрый вечер!", которые широко используются в современной русской речи наряду с "Здравствуйте!". В сравнении с формулами "Здравствуй!", "Здравствуйте!" у них есть даже некоторое преимущество. В приветствиях "Добрый день!", "Добрый вечер!", "Доброе утро!" не содержится обращения на "Ты" или на "Вы", поэтому мы охотно прибегаем к ним, когда сомневаемся, как следует обращаться к данному человеку. Не решаясь выбрать "Здравствуй!" или "Здравствуйте!", мы предпочитаем менее определенные, но как раз этим-то и удобные формулы типа "Добрый день!".

Формулы приветствия связывают нас друг с другом, укрепляют контакты, приближают к радости человеческого общения.

Это прекрасно выразил Владимир Солоухин:

- Здравствуйте! - Поклонившись, мы друг другу сказали, Хоть были совсем незнакомы.

- Здравствуйте! - Что особого тем мы друг другу сказали?

Просто "здравствуйте", больше ведь мы ничего не сказали.

Отчего же на капельку солнца прибавилось в мире?

Отчего же на капельку счастья прибавилось в мире?

Отчего же на капельку радостней сделалась жизнь?

С помощью словесных формул этикета мы выражаем отношения при встрече и расставании, когда кого-либо благодарим или приносим свои извинения, в ситуации знакомства и во многих других случаях. Каждый язык обладает своим фондом этикетных формул. Их состав в русском языке наиболее полно описан А. А. Акишиной и Н. И. Формановской -

авторами многочисленных работ о современном русском речевом этикете. На с. 50 помещена таблица распространенных формул прощания по данным А. А. Акишиной и Н. И. Формановской. Рассмотрите таблицу.

Какие из приведенных в ней формул вы употребляете чаще других? Какие формулы не употребляете никогда? Чем это можно объяснить? Предложите своим друзьям составить, не глядя на таблицу, список известных им формул прощания. Пусть одновременно они запишут краткие сведения о том, когда эти формулы употребляются. Будет интересно сравнить потом полученные ответы с таблицей и проверить", правильно ли вы оцениваете эти выражения.

Современные русские формулы прощани (по А. А. Акишиной и Н. И. Формановской)

Формулы Употребление формул

До свиданья(-ия)! В любой ситуации

Всего хорошего! В любой ситуации с оттенком

Всего доброго! пожелани

До встречи! Вместо "до свидания"/ когда

предполагается условленна встреча

Прощайте! При прощании на длительный

срок или навсегда

Спокойной ночи!

Доброй ночи! Прощание на ночь

Счастливо! Непринужденное, дружеское

Всего! Дружеское с оттенком фа миль

Привет! яркости. Употребляется хоро

Пока! шо знакомыми, близкими людь

ми, чаще - среди молодежи

Бывай! Грубовато-сниженное, нелите

Будь! ратурное

Разрешите попрощаться! официальное

Позвольте попрощаться!

Разрешите откланяться! Официальное, употребляют лю

Позвольте откланяться! ди старшего поколени

Почти никогда не бывает так, чтобы формула прощани прозвучала вдруг, совершенно неожиданно для собеседника. В этом случае он может подумать, что чем-то сильно расстроил или даже обидел уходящего. Обычно ей предшествуют какието указания на завершение общения. Хотя они и не столь стандартны, как формулы, но тоже достаточно устойчивы. Например, перед тем как проститься, мы ссылаемся на необходимость уйти (Надо идти. Мне уже пора. Жаль, но я должен идти.

И т. п.), нередко благодарим за общение, выражаем свое удовлетворение встречей, иногда извиняемся за отнятое у собеседника время. После формулы прощания мы тоже не сразу прерываем контакт. Уходящему гостю желают всего доброго, выражают надежду на встречи в будущем, приглашают заходить, звонить, передают привет близким уходящего, что является знаком внимания и к нему самому, уезжающим желают счастливого пути или удачи, если предстоит дело, о котором шла речь, и т. д. Но все эти стереотипные фразы не столько связаны одна с другой, хотя такие связи тоже существуют, сколько с ситуацией в целом, причем каждая - в отдельности. Поэтому нередки перестановки и пропуски этикетных элементов в идних и тех же ситуациях.

Зато возможна тесная связь между отдельными знаками речевого и неречевого этикета. Когда расположенный к вам человек приветствует вас словом "Здорово!", будет удивительным, если он в то же время не потреплет вас по тьлечу или, по крайней мере, не протянет для пожатия руку. Тот, кто сказал вам "Мое почтение!", наверняка при этом снял шляпу и слегка поклонился, причем сделал это не на бегу. Такая связь вполне естественна, ведь знаки речевого и неречевого этикета передают однородное содержание, они в равной мере несут информацию об отношениях партнеров по общению, о границах коллектива и распределении в нем ролей. Отсюда возможность сочетать одни знаки с другими или заменять неречевые знаки этикета речевыми, и наоборот.

Самый общий принцип применения знаков этикета - это вежливость, доброжелательность. Поэтому, пожалуй, ничто в человеческом поведении не сочетается с ними так часто, как доброжелательная улыбка. Не надо думать, что улыбка

совершенно естественное, биологическое проявление чувств. Люди, относящиеся к разным культурным зонам, улыбаются по-разному и неодинаково "пользуются" своими улыбками. Так, у японцев улыбка не зависит от темы беседы. Она прежде всего выражает согласие с партнером и общую доброжелательность к нему, поэтому беседующие, как правило, улыбаются, хотя могут говорить при этом о вещах совсем не веселых. Известно, что среди американцев доброжелательной принято считать лишь широкую, "лучистую" улыбку, а приветливая улыбка европейца вполне может быть и менее яркой. Однако при всех различиях улыбка - одно из главных выражений человеческого контакта, доброжелательности, участия. Это то, чего мы более всего ищем в лице собеседника.

Сент-Экзюпери в тяжелые годы второй мировой войны, остро

переживая поражение своей родины и понимая фашизм как величайшее неуважение к Человеку, посвятил замечательные страницы одного из своих произведений ("Письмо к заложнику")

улыбке доброжелательного взаимопонимания. Он нарисовал картину безмятежно мирного дня: завтрак с другом на освещенной солнцем веранде ресторанчика у реки, незнакомые матросы, просто и естественно принявшие приглашение позавтракать вместе, приветливая служанка, полное расположение всех друг к другу, открытость и радость взаимопонимания. Что лучше всего выражало это ощущение человеческого мира? Улыбка.

"Не знаю, поймут ли меня,- говорит Сент-Экзюпери,- скажу одно: мы бы охотно пошли в бой, лишь бы спасти нечто в улыбке матросов, и твоей, и моей, и в улыбке служанки, спасти чудо, сотворенное солнцем, которое неустанно трудилось миллионы лет,- и победным завершением его трудов стала эта наша совсем особенная улыбка.

Самое важное чаще всего невесомо. Здесь как будто всего важней была улыбка. Часто улыбка и есть главное. Улыбкой благодарят. Улыбкой вознаграждают. Улыбкой дарят тебе жизнь.

И есть улыбка, ради которой пойдешь на смерть. Эта особенна улыбка освобождала от гнетущей тоски наших дней, оделяла уверенностью, надеждой и покоем..." Добрая улыбка становитс у Сент-Экзюпери символом человечности и согласия.

ЭТИКЕТНАЯ МОДУЛЯЦИЯ РЕЧИ

В сравнении с неэтикетной речью содержание этикетных посланий, конечно, ограниченно. Но оно ограничивается не какой-либо узкой специальной сферой, как, например, ограничивается значение математических символов, знаков азбуки Морзе, дорожной сигнализации. Напротив, оно выделяет и обслуживает область, на которую неизменно направлено внимание дюдей во всех случаях общения.

Зачем, заметив входящего в класс учителя, ученики встают? Чтобы тот видел, что они признают его в данной роли и принимают на себя все обязанности, вытекающие из положени учащихся. Нет смысла начинать урок, если учитель не получил от присутствующих такого своеобразного обещания быть учениками. Он и сам не пройдет молча к столу, чтобы, усевшись, бросить бесстрастное "Открыть тетради!". Учитель обязательно приветствует учеников, и без этого им трудно быть его учениками, ведь в приветствие учителя также вложен важный смысл этикетного характера. Отвечая на этикетное послание ребят, учитель своим приветствием как бы принимает их в ученики, принимает предложенные ему отношения и в свою

очередь берет на себя обязательство исполнять роль учителя, а правила исполнения этой роли известны ему и его ученикам, которые точно знают, чего можно и чего нельзя ожидать от человека в роли учителя. Этот секундный диалог придает всем спокойствие и уверенность в себе, чувство правильности своих действий, обеспечивает всем эмоциональный комфорт, помогает наладить общение необходимого на уроке типа.

В продолжение всего урока будет идти обмен этикетной информацией, и урок - не исключение. Так происходит всегда. Этикетная информация особенно важна в начале общения, в момент организации коллектива, когда устанавливается его структура, определяются типы отношений между его членами. Но она необходима и в последующем общении. Поток этикетной информации практически непрерывен. Человек не может действовать в обществе, не имея постоянных сведений о том, совпадают ли его представления о распределении ролей между членами коллектива с соответствующими представлениями других участников общения. Как шофер, ведущий машину по оживленным улицам города, должен одновременно следить за состоянием дороги и светофорами, за действиями пешеходов, положением и сигналами других машин, за показаниями непрерывно работающих приборов панели управления и одновременно должен сам сигнализировать о предстоящих маневрах, так и каждый член коллектива в процессе общения должен одновременно получать и передавать разнообразнейшую информацию. Параллельно другим ее видам непрерывно идет и информация о структуре коллектива.

Если общение сводится к одним лишь этикетным действиям и имеет характер ритуала, оно является общением этикетным. Когда мы переходим к нему?

В обществе всегда имеются представления о жизненных ситуациях, которые требуют исполнения ритуала. Некоторые из них мы уже упоминали: ситуация начала общения, ситуация прощания, ситуация праздника. События горестные, печальные также вызывают этикетное общение, в этих обстоятельствах мы выражаем свое участие, сочувствие, соболезнование. Нередко бывает необходимо, чтобы кто-нибудь что-то сделал для нас, с этим связаны ритуалы просьбы и благодарности. А случайное или вынужденное нарушение интересов партнера требует ритуала извинения. Когда в коллектив входит новый член, совершается один из наиболее важных этикетных ритуалов - ритуал знакомства. Он устанавливает первую ступень близости, дает разрешение на контакты в будущем, организует общение, задает его тип.

Этикетное общение играет большую роль в жизни каждого из нас, но, конечно, человеческое общение вовсе не сводится к одним только ритуалам. Этикетные ситуации составляют лишь некоторую часть общения. Неэтикетное общение не менее важно.

Если изобразить общение в виде разворачивающейся во времени ленты и заштриховать на ней участки собственно этикетного общения (при этом учтем, что этикетное общение иногда "вклинивается" в общение неэтикетного характера, а иногда проходит и параллельно ему), то получится примерно следующее:

Темные участки - время этикетного общения. Но этикетное общение, как мы уже знаем, не беспрерывно, оно составляет лишь часть общения в целом, а информация об отношениях между партнерами необходима им все время, тем более что в ходе общения эти отношения могут меняться. Как же передается така информация "в промежутках" между отдельными "сеансами" собственно этикетного общения? Или партнеры действуют в это время вслепую?

Конечно, не вслепую. "Индивид,- писал К. Маркс,- есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни...

является проявлением и утверждением общественной жизни".

Значит, вся человеческая деятельность, в том числе и общение, отражает социальные -условия, в которых она протекает. И наша речь, несомненно, строится по-разному в зависимости от того, кто общается, с какой целью, каким способом, какие между общающимися отношения и т. п. В одном из трудов по риторике (риторика - наука и искусство красноречия) М. В. Ломоносов советовал пишущим и говорящим "наблюдать три вещи: 1) состояние особы, к коей речь говорить или письмо писать должно; 2) материю, которая предлагается; 3) состояние самого себя". Кто, кому и о чем - вот самое главное, что влияет на построение речи, по мнению Ломоносова, который в данном случае опирается на многовековую традицию, идущую от античности.

Кто, кому и о чем - вот, следовательно, и то, что можно узнать, воспринимая речь. Какие общественные роли играюг автор речи и ее адресат, каковы отношения между ними - обо всем этом прямо может и не говориться, текст может быть совсем о другом.

Но в речи все это так или иначе проявится и будет уловлено адресатом.

Мы так привыкли менять тип речи в зависимости от условий общения, что делаем это чаще всего неосознанно, автоматически.

Автоматически происходит и восприятие информации о

человеческих отношениях, передаваемой особенностями речи. Но стоит допустить ошибку в выборе типа речи, как автоматизм восприяти нарушается и мы сразу замечаем то, что раньше ускользало от нашего внимания.

Допустим, что родители попросили вас зайти после школы в магазин и что-то купить. Вы так и сделали, принесли покупки домой и, уходя к друзьям, решили оставить записку. Как пишутся такие записки, мы все хорошо знаем. Но представим себе, что вместо обычного текста вернувшаяся с работы мама прочитала бы следующее:

"Настоящим довожу до Вашего сведения, что мною, учеником VIII класса, Ивановым Александром Сергеевичем, проживающим в 85-й квартире дома No 111 по улице Молодежной, сегодня, 18 апреля 198... года, произведена закупка пищевых продуктов в магазине No 42 горпродторга на сумму 3 (три) рубля 21 коп.".

Затем идут названия продуктов, единицы измерения, цены...

Что подумала бы ваша мама?

Согласитесь, это вовсе не похоже на записки, которые оставляют друг другу близкие люди. Перед нами подобие официального документа, докладной подчиненного своему начальнику.

И этот документ свидетельствует о деловых отношениях чужих друг другу и неравных в служебной сфере людей. Напротив, те несколько слов, которые были бы уместны ("Все купил. Масло в холодильнике, сдача на столе. По физике пять! Уроки сделал, иду к Коле. Саша"), передают отношения близости.

Заметим, что ни в первом, ни во втором случае этикетных формул в записке нет, но отношения выражены достаточно ясно. Дело в том, что речь меняется в зависимости от ситуации и через эти изменения мы с большой точностью воспринимаем отраженные речью человеческие отношения.

Вам, конечно, знакомо слово модуляция. Часто этим словом обозначают колебания человеческого голоса, придающие ему выразительность; в музыке модуляция - переход из одной тональности в другую; в технике так называют разного рода изменения, колебания. Изменения речи в соответствии с условиями общения тоже можно рассматривать как ее модуляцию. Речь колеблется в такт человеческим отношениям - это и есть этикетная модуляция речи.

Специальное этикетное общение совершается, как мы уже знаем, лишь время от времени, а вот видоизменения (модуляция)

речевого и неречевого поведения под влиянием человеческих отношений происходят всегда. Значит, это одно из самых важных средств выражать этикетное содержание - средство, которое

всегда в нашем распоряжении, аппарат, который всегда включен.

Тому, как он работает, как совершается этикетная модуляци речи, посвящены следующие главы.

А пока вот вам маленькая задача. В рассказе Виктории Токаревой "Самый счастливый день" (мы его уже упоминали)

мама, когда она не может встретить дочь после школы, оставляет ей в двери такие записки: "Ключи под ковриком. Еда на плите.

Буду в шесть. Ты дура. Целую, мама". Какие, по-вашему, у них отношения? Почему вы так думаете? В журнале "Новый мир"

(No 2, 1980) можно найти этот рассказ и проверить свои предположения.

ТОН, ТЕМА И ПУСТЫЕ РАЗГОВОРЫ

Мать зовет сына. "Иду!" - отвечает он, а сам никак не оторвется от занятия, которое захватило его. Приходится звать еще раз. Бросать начатое не хочется, мальчик спешит скорее все доделать, но именно поэтому у него перестает получаться.

Все портится, ломается и вызывает досаду. Теперь его ответ звучит раздраженно:

- Иду! Иду!

- Как ты разговариваешь? Не груби!

- А что я такого сказал?! Я же сказал: "Иду!"

Дело здесь, конечно, не в том, что сказал, а как сказал.

Одни и те же слова могут звучать вежливо, доброжелательно, ласково или подчеркнуто сухо, дерзко, высокомерно в зависимости от их общей звуковой окраски. Звуковая окраска - очень тонкая и выразительная характеристика речи, легко поддающаяся модуляции. Она так тесно связана с разными типами общения, так хорошо передает направленность речи, что, собираясь заговорить, человек, как полагают некоторые ученые, выбирает прежде всего общую окраску речи и в соответствии с ней создает высказывание в целом. Советский филолог М. М. Бахтин (1895-1975) писал: "Интонация всегда лежит на границе словесного и не-словесного, сказанного и не-сказанного. В интонации слово непосредственно соприкасается с жизнью. И прежде всего именно в интонации соприкасается говорящий со слушателями: интонация социальна par excellence (по преимуществу) ".

Удивительно ли, что слово накричать означает в одно и то же время тип общения (выбранить, сделать резкий выговор)

и громкий, повышенный голос? О слове ворчать в словаре В. И. Даля сказано: "изъявлять неудовольствие свое полугласным бормотом". И здесь, как видим, соединились в одном слове знак типа общения и знак интонации, звуковой окраски речи.

Мы легко различаем тон покровительственный и презрительный, участливый и холодный, открытый и вкрадчивый, вызывающий и кроткий. В "Юности" Л. Н. Толстого Николенька Иртеньев рассказывает:

...И вдруг я пришел в какое-то особенное, кроткое состояние духа и подошел к Николаю.

- Позволь, я тебе помогу, Николай,- сказал я, стараясь дать своему голосу самое кроткое выражение; и мысль, что я поступаю хорошо, подавив свою досаду и помогая ему, еще более усилила во мне это кроткое настроение духа, Подавленное желание поворчать, рассердиться, кроткое настроение и кроткий тон совершенно соответствуют одно другому, и при этом каждому читателю понятно, что значит "дать своему голосу самое кроткое выражение".

Общая звуковая окраска речи может подкреплять смысл, переданный составом слов высказывания, но иногда противоречит ему, заставляет нас понимать это высказывание совершенно подругому. Представим себе, что в разговоре по телефону один из беседующих спрашивает: "Ты на меня не сердишься?" Ему отвечают: "Нисколько". Это "нисколько" можно произнести таким тоном, что спрашивающий совершенно успокоится, но можно придать ответу и другую окраску, не оставляющую никаких сомнений в том, что говорящий сердится, и очень сильно. Фраза "Я в восторге!" без интонации восторга сразу приобретает иронический смысл, противоречащий ее буквальному значению.

Ласково, с улыбкой сказанное "Мучитель ты мой!" выразит гораздо более близкие и теплые отношения, чем холодно произнесенное "Мой друг".

Конечно, значительно чаще тон речи и ее словесное содержание действуют "заодно". Причем им соответствуют мимика, жесты, позы и все наше поведение. Не случайно словом тон мы передаем и свое впечатление от речи в целом. Например: "Мне не понравился тон его письма!" В прошлом слово тон обозначало и общий характер поведения человека. Говорили: хороший тон, дурной тон. Выражение "задавать тон" толкуется у В. И. Дал так: "франтить, пускать пыль в глаза". Хлестаков, испугавшись, что все увидят, как его ведут в тюрьму, говорит: "...нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой...

Нет, не хочу..."

Очень часто в соответствии с человеческими отношениями модулируется (колеблется) и содержание речи: с одним и тем же

человеком можно говорить "как со взрослым" и "как с ребенком", то есть по-разному отбирать темы, доводы, доказательства.

Есть темы, которые обсуждают лишь со своими. В разных общественных группах неодинаково, если можно так выразиться, "тематическое расстояние", на которое допускается партнер.

Бывают темы престижные, обсуждать которые считается приметой хорошего тона.

Конечно, любые тематические ограничения или рекомендации имеют исторический характер и меняются в связи с социальными преобразованиями коллектива, а вследствие своей условности попадают и под влияние моды. Темы считаются настолько важным этикетным сигналом, что отбор их подвергается иногда специальному обсуждению.

Например, в 1781 г. в Петербурге было опубликовано сочинение "Разговор о свете, лучше ли он ныне стал или хуже, в рассуждении обхождения человеческого и переменяющихся в нем мод", в котором читатель легко усматривал отклик на разное отношение к начавшимся уже в Петровскую эпоху изменениям манер поведения в русском обществе, и в том числе к новым этикетным темам. Книга написана в форме диалога. Защитник старых нравов Клеон осуждает в споре с Доримеой непривычные манеры, стремление к светскости, легкомысленные и неприличные, как ему кажется, темы бесед в обществе. Раньше, как вспоминает Клеон, люди, собираясь вместе, говорили в основном о своих хозяйственных занятиях, о скоте, охоте, о капитале, торговле, лошадях. В новых же "компаниях" шутят, острословят, злословят иногда, обсуждают книги, спорят о науках, об искусстве. Прилично ли женщинам беседовать не о кухне, полотне, шитье, как принято было прежде, а о философии или о совершенствовании нравов?

В конце концов Клеон оказывается побежденным умными и серьезными рассуждениями Доримены. Ему приходится признать, что новые манеры не легкомысленнее прежних, хотя и кажутс вздорными тем, кто привык к старым требованиям этикета.

"Вы нарочито то доказали,- говорит Клеон,- что нынешние времена не столько, как думают, злы".

Содержание речи показывает, "за кого" принимаем мы своих собеседников, какими представляем их себе, как оцениваем.

Поэтому не ко всем темам, из обсуждаемых в дружеской беседе, можно обратиться в разговоре официальном и даже степень близости друзей отчасти проявляется в том, какие темы их объединяют.

Семиклассница Оля из знакомой вам, наверное, повести советского писателя В. Л. Киселева "Девочка и птицелет" гораздо

лучше стала понимать свои отношения с одноклассниками, когда заметила, что на некоторые темы может говорить не со всеми из своих товарищей:

И еще я подумала, что если бы за моей партой сидел Коля, то я бы ему шепнула: "Я решила написать письмо своему отцу в Новосибирск", а он бы не удивился, кивнул головой и тихо ответил: "Ну что ж, напиши".

А Сереже я этого не могла сказать.

Прекрасный пример того, как изменение предмета речи резко меняет представление об отношении людей друг к другу,- испорченное послание в рассказе А. П. Чехова "Письмо". Дьякону Любимову, человеку добросердечному, но темному, кажется, что сын его Петр, не соблюдающий церковных правил, живет в большом городе нехорошей, "греховной" жизнью. Надо бы послать ученому сыну письмо, написав его, как советуют Любимову, кратко и строго, но малообразованный дьякон не чувствует себя способным спорить с вольнодумцем-сыном: "Скажешь ему: "Ходи в церковь", а он: "зачем ходить?". Письмо за Любимова составляет священник Федор, вкладывая в гневное послание свою долго накапливавшуюся неприязнь к Петру, который стал для него опасным противником.

Письмо получилось таким: "Христос воскрес, любезный сын!

Дошли до меня, отца твоего, слухи (а из какого источника, тебя это не касается), что ты ведешь жизнь, несообразную ни с божескими, ни с человеческими законами. Ни комфортабельность, ни светское великолепие, ни образованность, коими ты наружно прикрываешься, ке могут скрыть твоего языческого вида. Именем ты христианин, но по сущности своей язычник..."

В таком духе было написано все письмо. Не осуждением оно было страшно, а полной оторванностью от всего живого и человечески простого, что в действительности связывало Любимова с его "Петрухой", поэтому послание воздвигало непреодолимую преграду между отвергаемым "язычником" и совершенно не похожим на реального, чужим и абстрактным его "отцом".

Любимов остался доволен получившимся письмом. Вечером, уже успокоенный тем, что исполнил родительский долг, он еще раз, но уже с другим настроением перечитал его, рисуя себе в воображении лицо сына и вспоминая прошлые годы, когда сын приезжал к нему на праздники. "Думалось одно лишь хорошее, теплое, грустное, о чем можно думать, не утомляясь, всю жизнь". И вот Любимов сел за стол, "улыбнулся и прибавил от себя внизу письма: "А к нам нового штатного смотрител прислала. Этот

пошустрей прежнего. И плясун, и говорун, и на все руки, так что говоровские дочки от него без ума. Воинскому начальнику Костыреву тоже, говорят, скоро отставка. Пора!" И очень довольный, не понимая, что этой припиской он вконец испортил строгое письмо, дьякон написал адрес и положил письмо на самое видное место стола".

С отступником, человеком чужим, конечно, не делятся житейскими мелочами, интересными и важными лишь людям близким, своим. Любимов никогла и не был для сына тем грозным и бессердечным в своем фанатизме судьей, каким представили его в письме. Несколько бесхитростных строк, приписанных в конце послания, делали это для сына совершенно ясным, возвращали отца и сына к прежним, обычным для них отношениям.

Дело здесь не только в изменении темы речи. Иной стала и ее цель: не наставить, а информировать, сообщить. Совсем другой выбран язык. Все связано, одно усиливается другим, и в этом общем ряду изменений важное место занимает "скачок" темы.

Чем больше общение приближается по своему характеру к этикетному, тем сильнее влияет оно на выбор темы. Вежливость в тех случаях, когда она выступает в качестве главного регулятора содержания речи, то есть в этикетных ситуациях, требует, чтобы человек максимально учитывал позицию собеседника: говорил в основном о том, что понятно и близко партнеру, избегал неприятных ему тем.

Есть темы широкие, открытые. Они создают общий разговор, позволяют всем присутствующим сказать свое слово, объединиться в общении. Есть темы узкие, личные. Они ограничивают состав беседующих. Невежливо, общаясь в группе, заводить с одним из присутствующих беседу о том, что касается лишь вас двоих или только вам понятно. Это исключает из общения остальных, свидетельствует о невнимании к ним и, конечно, может обидеть. Чем разнообразнее круг беседующих, чем более чужды они друг другу, тем важнее правильно выбирать темы.

Тема "Я" наименее предпочтительна в любом ее варианте.

Чем вежливее говорящий, тем менее категоричны его высказывания: он не лишает собеседника возможности судить о предмете самостоятельно, не присваивает себе роль верховного судьи, поэтому заявления типа "Этого не гложет быть!" и подобные уступают место таким, как "Мне кажется это не вполне убедительным"; "Боюсь, что не могу согласиться с вами"; "Едва ли это так" и т. п.

Иногда мы слышим: "Я с тобой больше не разговариваю!"

Что означает эта фраза? Многое: мы не общаемся, то есть не входим в один коллектив, нас ничто больше не связывает, едва ли я вообще знаю вас. Вот этикетное содержание таких заявлений. Напротив, несколько слов, которыми обменялись люди, делают их почти знакомыми, хотя бы они и не были еще представлены друг другу. Во всяком случае, при повторной встрече уже можно поздороваться.

Значит, не только такие общие стороны речи, как интонация и содержание, но и сам факт общения с ее помощью - явление, которое способно служить этикетным целям. Поэтому иногда мы говорим только для того, чтобы поддержать добрые отношения, показать, что мы "свои", проверить, все ли согласны с нами в этом.

Естественно, что содержание речи в таких случаях почти неважно, важен процесс общения. Происходит "пустая", неинформативная беседа, которая на самом деле не так уж пуста, ведь важный этикетный смысл она сохраняет. Чаще всего, хотя и далеко не всегда, беседы этого рода ведутся между малознакомыми людьми в начале общения. О чем, например, разговаривают только что представленные друг другу гости или люди, случайно оказавшиеся в одном купе? Общих интересов у них еще нет, вместе с тем долго молчать неудобно, ведь это показывает нежелание вступать в какие-либо отношения. Популярные в подобных обстоятельствах темы - погода, телевизионная передача, которую все смотрели или смотрят вместе в данный момент, газетные новости, спорт... Иногда речь идет и о чем-либо другом, но по тому, как скользит беседа по поверхности темы, с какой готовностью подхватывается и как случайно перескакивает с одного предмета на другой, обычно бывает совершенно ясно: здесь менее важно, что именно говорится, в сравнении с тем, что люди общаются.

Такую беседу блестяще изобразил Н. В. Гоголь в "Женитьбе".

Чиновник Подколесин сватает купеческую дочь Агафью Тихоновну, и вот впервые, почти сразу же после представления невесте, он остается с ней наедине. Происходит следующий замечательный разговор:

Агафья Тихоновна. Прошу покорнейше садиться.

Садятся и молчат.

Подколесин. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья Тихоновна. Как-с кататься?

Подколесин. На даче очень приятно летом кататься в лодке.

Агафья Тихоновна. Да-с, иногда с знакомыми прогуливаемся.

Подколесин. Какое-то лето будет - неизвестно.

Агафья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

Оба молчат.
Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите?
Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с; гвоздику-с.
Подколесин. Дамам очень идут цветы.
Агафья Тихоновна. Да, приятное занятие.
Молчание... Подколесин барабанит пальцами по столу.

Подколесин. Вот скоро будет екатерингофское гулянье.

Агафья Тихоновна. Да, через месяц, кажется.

Подколесин. Даже и месяца не будет.

Агафья Тихоновна. Должно быть, веселое будет гулянье.

Подколесин. Сегодня восьмое число. (Считает по пальцам.) Девятое, десятое, одиннадцатое... Через двадцать два дни.

Агафья Тихоновна. Представьте, как скоро!

Подколесин. Я сегодняшнего дни даже не считаю.

Молчание.

Какой это смелый русский народ!

Агафья Тихоновна. Как?

Подколесин. А работники. Стоит на самой верхушке... Я проходил мимо дома, так щекатурщик щекатурит и не боится ничего.

Агафья Тихоновна. Да-с. Так это в каком месте?

Подколесин. А вот по дороге, по которой я хожу всякий день в департамент. Я ведь каждое утро хожу в должность.

Молчание. Подколесин опять начинает барабанить пальцами, наконец берется за шляпу и раскланивается.

Черты неинформативной беседы совершенно точно схвачены художником: незначительное содержание и искусственный интерес к нему, обилие общих фраз (На даче очень приятно летом кататься в лодке; Какое-то лето будет неизвестно; Дамам очень идут цветы и др.), скольжение по поверхности тем, легкое перескакивание с предмета на предмет. Не забыт и обмен мнениями относительно погоды.

В такой утрированной форме неинформативные беседы встречаются нечасто, но как этикетное явление речи они не утратили своего значения и сегодня. А вам, ребята, случается их вести?

Несомненно, случается.

Допустим, вы с кем-то поссорились. Но вот прошло время, обиды забылись, и хочется узнать, продолжают ли на вас сердиться. Как поступают в таких случаях? Чаще всего - просто пытаются заговорить. О чем - совершенно все равно. Лучше о чемнибудь не очень важном. Например: "Ну и дождь!" или "Куда же я ее задевал?..". Вам что-то ответили? Что ж, поздравляем: вы на пути к миру.

Что это было? Это была самая настоящая неинформативная беседа. Ведь ни дождь, ни потеря в действительности вас не волновали. Главное - шло общение.

Дело в том, что речевое общение возможно тогда, когда люди владеют одним или очень близкими языками. А владеть одинаковой речью означает относиться к одному коллективу. На

способности речи символизировать единство использующих ее людей и основывается этикетная роль "пустых разговоров".

Однако бывает и так, что нам нужно выразить не единство с кем-либо, а как раз отсутствие его, подчеркнуть свою непричастность к какому-либо коллективу или то, что кто-то не входит в наш коллектив. В таких случаях иногда демонстрируют незнание, действительное или мнимое, чужой речи, невозможность воспринять ее, искажают, например, имя человека, отсутствие общности с которым хотели бы отметить. Так поступает в рассказе А. Куприна "Впотьмах" аристократ Кашперов.

"Извините, пожалуйста, я не хочу мешать вашей увлекательной беседе с господином Аларьевым",- умышленно переврал Кашперов фамилию Александра Егоровича. Аларин хотел бросить ему гневное замечание, но самоуверенная, спокойно-дерзкая манера Кашперова совершенно парализовала его обычную смелость".

ДА-С, НЕ-С И ДРУГИЕ

Все формулы вежливости (Здравствуйте! Пожалуйста! Спасибо! и др.) - это самостоятельные специальные этикетные средства. Самостоятельные, потому что каждая формула образует целое этикетное высказывание. Специальные, так как служат эти средства в первую очередь этикетным целям. А вот этикетный выбор темы - средство не самостоятельное и не специальное.

Это, конечно, ясно: из одной лишь темы речь не состоит, а этикетная роль для нее - не главное. Есть среди этикетных средств речи и специальные несамостоятельные. Они видоизменяют речь, как бы приклеиваясь к отдельным ее единицам. Целых высказываний эти средства не образуют, зато четко маркируют речь, показывая, в каком ключе следует ее понимать.

Например, в приведенной сцене из "Женитьбы" Агафья Тихоновна говорит: да-с, пахнет-с, гвоздику-с. С - частица вежливости, широко распространенная в XIX в. Ничего, кроме вежливости и почтения, она не обозначала. Но и в этой специальной роли частица с не могла образовывать отдельных высказываний: предложение из одного только с в лучшем случае было бы принято за призыв к тишине.

В прошлом веке это средство переводить речь в другой этикетный регистр играло значительную роль. Вспомним, почему соседи считали Онегина "неучем":

...Он дамам к ручке не подходит; Все да да нет; не скажет да-с Иль нет-с. Таков был общий глас...

Частица с могла присоединяться к любому знаменательному слову, но Пушкиным вовсе не случайно упомянуты прежде всего

ответы да и нет. Эти слова-предложения характерны для диалогов и выражают отношение к высказываниям собеседника. Ответы да и нет непосредственно связаны с ними, а через них - и с самим собеседником, вот почему при них особенно уместны сигналы вежливости.

Употреблять слова да и нет изолированно, не присоединяя к ним для вежливости обращения или частицы с, возникшей из обращения сударь, издавна считалось грубым. Так, в книге "Юности честное зерцало" (1717 г.), которую мы уже упоминали, говорилось: "Когда родители или кто другий их спросят, позовут, то должны они к ним отозваться тотчас, как голос их послышат.

И потом сказать: Что изволите, государь Батюшка? или государыня Матушка или Что мне прикажете, государь? - а не так:

Что? Чего? Што? Как ты говоришь? Чего хочешь? И не дерзостно отвечать да, так и ниже вдруг наотказ молвить нет, но сказать:

Так, мой государь, учиню так, как вы, государь, приказали".

Не пропускать обращений в вежливых ответах учили, как мы помним, и Тома Сойера (в другой стране и в другое время):

Судья погладил Тома по голове, назвал его славным мальчиком и спросил, как его зовут. Мальчик раскрыл рот, запнулся и едва выговорил:

- Том.

- Нет, не Том, а...

- Томас.

- Ну, вот это так. Я и думал, что оно немножко длиннее. Очень хорошо. Но у тебя, само собой, есть и фамилия, и ты мне ее, конечно, скажешь?

- Скажи джентльмену, как твоя фамилия, Томас,- вмешался учитель,- и не забывай говорить "сэр". Веди себя как следует.

- Томас Сойер... сэр.

При словах-ответах да, нет частица с и употреблялась чаще всего. Особое распространение она получила в чиновничьей среде и постепенно стала восприниматься как выражение угодливости, что и определило ее дальнейшую судьбу. После Великой Октябрьской революции употреблять ее перестали окончательно.

Утверждение и согласие, отрицание и отказ, особенно отказ, принято оформлять особыми этикетными средствами у многих народов. О связанных с этим японских обычаях пишет В. Овчинников в книге очерков "Ветка сакуры":

В разговорах люди всячески избегают слов "нет", "не могу", "не знаю", словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняком. Даже отказываясь от второй чашки чая, гость вместо

"нет, спасибо"

употребляет выражение, дословно означающее "мне уже и так прекрасно".

Если токийский знакомый говорит: "Прежде чем ответить на ваше предложение, я должен посоветоваться с женой", не нужно думать, что перед вами поборник женского равноправия. Это лишь один из множества способов не произносить слова "нет".

К примеру, вы звоните японцу и говорите, что хотели бы встретиться с ним в шесть вечера в прессклубе. Если он в ответ начнет переспрашивать:

"Ах, в шесть? Ах, в пресс-клубе?" - и произносит какие-то ничего не значащие звуки, вы должны тут же сказать: "Впрочем, если вам это неудобно, можно побеседовать в другое время и в другом месте".

И вот тут собеседник вместо "нет" с превеликой радостью скажет "да" и ухватится за первое же предложение, которое ему подходит.

Почти ни одно пособие по речевому этикету не обходится без обсуждения того, какие существуют средства вежливо согласиться с собеседником или отказать ему. В 1980 г. в Ленинграде вышла книга Л. П. Ступина и К. С. Игнатьева "Современный английский речевой этикет". Интересные сведения о том, как вежливо оформляются согласие и отказ у англичан, находим мы в ней. Например, об отказе говорится: "Невозможность выполнить просьбу своего собеседника вызывает обычное чувство неловкости, поэтому сам отказ должен сочетать в себе вежливость и убедительность. Однако даже в том случае, когда причина отказа не приводится, англичанину совершенно не свойственно выпытывать ее у собеседника (Ср Почему? А что такое?)". И далее: "В ситуации отказа, как, впрочем, и при положительной реакции на просьбу, английский этикет не признает категоричных форм, и нередко бывает сложно передать средствами английского языка, например, такие негативные воскли цания: Это абсолютно исключено! Хоть убей не могу! Нет и еще раз нет! Наотрез отказываюсь! Ни за какие деньги! И не подумаю!

и т. п. Однако среди английских фамильярных реплик можно найти эквивалент и к ним"

Знакомство с подобными фактами полезно уже тем, что оно наталкивает нас на мысль: специальные средства этикетного варьирования речи распределены в ней не случайно, не "как попало", а встречаются преимущественно в одних и тех же точках В каки-х же? Видимо, в тех которые в сравнении с другими имеют более непосредственное отношение к участникам общения.

Среди множества вводных слов русского языка есть такие,

которые, как и этикетные средства подтверждения или отрицания, можно считать специальным приемом этикетной модуляции речи. Например, вводные слова видите ли, знаете ли, понимаете ли, поверьте, представьте. Имеют ли они отношение к этикету?

Давайте посмотрим.

Вот фрагмент одной из пьес советского драматурга А. Арбузова:

Таня. ...Да! Ведь я не рассказала тебе самого главного. (Таинственно.) Сегодня я чуть не заблудилась.

Герман (засмеялся). Е Сокольниках? Ну, не ври, не ври.

Таня (горячо). Честное слово! Сегодня для лыж такая легкая погода, и я ушла далеко за круг. Знаешь, там настоящий лес, тихо, ни души, только птицы, небо и снег. И вдруг мне показалось, что Москва далеко-далеко - за тысячи километров, и я где-то на севере, а вокруг волки, медведи...

У вводного слова знаешь, которое употребляет Таня, не сохранилось значения глагола знать, хотя именно от него и произошло это вводное слово. Таня рассказывает как раз о том, чего Герман не знает. С вводными словами обычно так и бывает.

Как остроумно заметил известный русист А. М. Пешковский (1878-1933), мы встречаем выражения "видите ли, когда нечего видеть, одним словом, когда употребляется много слов, слава богу, ради бога, бог знает, черт возьми в устах человека неверущего и т. д.". Но если так, зачем же мы их употребляем?

Попробуем опустить вводное слово. Прочитаем текст еще раз, но без знаешь. Что-то изменилось. Слегка, не очень заметно, но изменилось. Речь Тани стала не такой цельной, единой, какой была вначале. Первые предложения - это ответ на реплику Германа, но затем идет особая тема: настоящий лес, Москва за тысячи километров, медведи, волки... Значит, вводное слово помогало ориентировать речь на собеседника, связывало ее с ним, показывало ему эту ориентацию. Вводное слово знаешь говорило Герману: это тоже тебе. Оно приближало речь к собеседнику, отводило в ней место и ему. В этом и заключается этикетное значение вводного слова знаешь, ведь одно из правил вежливой речи - ориентация ее на партнера.

А теперь попробуем заменить знаешь на другое вводное слово, хотя бы на видишь ли: Видишь ли, там настоящий лес...

Этикетный смысл включения собеседника в речь сохранился, но добавился новый оттенок. Теперь Таня как бы объясняет Герману, что потому и ушла далеко за круг, что там настоящий лес, тихо, ни души.

Эксперимент можно продолжать, подставляя в текст

понимаете ли, поверьте и т. д. Но уже и так ясно, что вводные слова, за поведением которых мы наблюдаем, хотя и служат в основном выражению связи с собеседником, то есть имеют самое общее этикетное значение, сохранили все же и следы смысла соответствующих глаголов. Поэтому при одинаковом этикетном содержании видите ли, знаете ли, понимаете ли, представьте себе и подобные им вводные слова полностью в смысловом отношении все-таки не равны. Каждое из них имеет и свое дополнительное значение.

Читая произведения XIX - начала XX в., вы, конечно, встречали выражения, подобные следующим: изволили приказать, изволили гневаться, не извольте беспокоиться. Например, в "Горе от ума":

Старик заохал, голос хрипкой:

Был высочайшею пожалован улыбкой; Изволили смеяться...

Какое, по-вашему, этикетное значение имели эти выражения?

Проверьте правильность своего ответа с помощью словаря В. И. Даля или одного из толковых словарей современного русского языка. Как вы думаете, специальное или неспециальное, самостоятельное или несамостоятельное этикетное средство здесь использовано?

Если мы сравним этикетные возможности русской речи с этикетными возможностями других языков, то выяснится, что этикетные средства бывают обязательными и необязательными, или факультативными. Это напоминает то, как передается разными языками значение определенности/неопределенности. Говорящий по-русски, сообщая, что идет мальчик, может подчеркнуть, что это вполне определенный мальчик, тот самый, о котором уже шла речь, может показать, что это какой-то мальчик, о котором ничего не известно, но может и не выражать в этом предложении значения определенности/неопределенности: Идет мальчик.

Конечно вся обстановка речи, а также предшествующие и последующие фразы обычно делают понятным, об определенном или неопределенном мальчике мы говорим, но в русском языке средства выражения этих значений не являются обязательными:

русская грамматика не требует, чтобы к существительному непременно был присоединен специальный показатель определенности или неопределенности предмета. А вот английская, немецкая, французская грамматика этого, как известно, требуют:

переводя предложение Идет мальчик на французский, немецкий или английский язык, мы обязаны выбпать определенный или неопределенный артикль, использовать

обязательное средство передачи значения определенности/ неопределенности.

Точно так же в одних языках есть только необязательные этикетные средства, а в других языках -.и обязательные. Таков, скажем, японский язык. Почти все глаголы японского языка могут иметь подчеркнуто вежливую по отношению к адресату речи форму (она образуется с суффиксом -мае-) и форму фамильярную (без этого суффикса). Например:

фамильярная форма вежливая форма

миру "видеть" миру мимас

суру "делать" суру симас

каку "писать" каку шкимас

ару "иметься" ару аримас

О чем бы мы ни говорили по-японски (пусть даже не об адресате речи!), приходится выбирать либо вежливую, либо фамильярную форму глагола, то есть, хотим мы этого или не хотим,- показывать свое отношение к адресату. А вот в русском языке нет грамматических предписаний, когда и каким именно способом непременно должно быть выражено этикетное содержание. Значит, этикетные средстза русского языка факультативны.

Однако, как мы уже вмдели, этикетные возможности от этою не только не уменьшаются, но делаются более тонкими и гибкими!

"ДАВАЙТЕ И С ВАМИ ГОВОРИТЬ ТЫ"

Способов передавать в речи этикетные значения - невероятно много. Каждый раз, когда мы выбираем, что сказать и как сказать, мы обязательно учитываем (хотя не всегда сами это замечаем)

и то, с кем и в какой обстановке говорим. Поэтому речи, не имеющей никакого отношения к этикету, пожалуй, вообще не бывает Если в языке выработалось несколько стилей (книжная речь, разговорная, научный стиль, деловой и т. д.) и есть различия в речи отдельных общественных групп (речь образованных людей и необразованных, литературная и диалектная, речь молодых и немолодых и т. д.), то уже сам выбор типа речи оказывается этикетным знаком, выражает отношение к слушателю или к тому, кого мы упоминаем.

Давайте вспомним выразительный диалог из рассказа И С. Тургенева "Ермолай и мельничиха":

- Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся.

- А пусть дрыхнет,- равнодушно заметил мой верный слуга,- набегался, так и спит.

Я заворочался на сене. Ермолай встал и подошел ко мне.

- Картофель готов-с, извольте кушать.

Просторечное слово дрыхнуть и разговорное набегаться не относятся к специальным этикетным средствам. Но с помощью этих стилистически окрашенных слов Ермолай в первой фразе так же определенно выразил свое пренебрежение к барину, как во второй фразе специальными средствами этикета - почтительную зависимость и готовность служить ему.

Удивительно многообразны этикетные знаки в речи разных народов, например виды междометий, которые сопровождают обращение. В некоторых языках они различаются в зависимости от того, кто и к кому обращается. Тем самым они указывают состав общающихся и, следовательно, несут важную этикетную информацию. Так, в языке урду (урду - один из наиболее распространенных на полуострове Индостан языков) одни междометия служат для обращения вообще, другие - для обращения к мужчинам, третьи - к женщинам.

Во многих языках, чтобы передавать этикетное содержание, применяют намеренные отклонения грамматического числа, грамматического рода, замену одной формы лица другою, специальные "вежливые" и "сверхвежливые" слова, своеобразное строение предложения... Трудно перечислить этикетные средства одной только устной речи, а ведь есть еще и этикетные приемы, которые используются на письме! Вспомните хотя бы написание с прописной буквы гежливых форм Вы, Вас, Вам, Ваш, Вашего и т. д.

Но если бы мы собрали все этикетные средства известных нам языков и сравнили их между собой (работа интереснейшая, нужная, но никем пока не выполненная), то, наверное, узнали бы, что одни единицы языка используют в этикетных целях чаще, а другие реже. И уже сейчас можно сказать, что одна из самых важных для этикета частей речи - местоимение.

Возьмем, к примеру, литературный язык Норвегии риксмол.

В распоряжении человека, говорящего на риксмоле, есть несколько местоимений для обозначения собеседника: фамильярная форма единственного числа du (непочтительное "ты"), фамильярная форма множественного числа dere (непочтительное "вы" для нескольких собеседников) и почтительная форма De для одного или нескольких собеседников. Тем из вас, кто изучает немецкий язык, интересно сравнить эту систему обозначения собеседников с употреблением немецких местоимений du, ihr, Sie.

А в особо любезной речи человека, к которому мы обращаемся на риксмоле, вообще нельзя обозначить с помощью какого-либо местоимения. Местоимение следует заменить в этом

случае существительным (титулом, званием) Такое подчеркнуто вежливое избегание в речи местоимений 2-го лица встречается также в немецком, польском и других языках. Так, вежливый вопрос продавца, обращенный к женщине, Какую ткань вы хотите купить? звучит по-польски: Ktory material zamierza pani kupic?

(дословно: Какой материал собирается купить пани?). Собственно русской речи это не свойственно, но в художественных произведениях русские писатели иногда используют такой прием косвенного обозначения адресатов, включая его в речь нерусских персонажен. Так, в повести Н. В. Гоголя "Тарас Бульба" Янкель, обращаясь к Тарасу и называя его пано-л, говорит1 "Разве пан не знает, что он по своей воле перешел к ним?" или "Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?"

Советский психолог и языковед А. А. Леонтьев, отмечая особую роль личных местоимений, говорит, что "местоимение - как бы крохотное зеркало, в котором отражается система общественных отношений".

В русском языке личных местоимений немного, но их вес в речевом этикете достаточно велик. Особенно важен выбор между ты и вы.

Вы вместо Ты в обращении к одному у русских появилось относительно недавно (в XVIII в.). Такое вы закрепилось прежде всего среди образованных дворян. До этого ты само по себе этикетного содержания не имело. Но в сравнении с вы оно приобрело значение близости, а в общении людей неблизких стало выражать социальное неравенство, общение сверху вниз. Ты говорили простолюдинам, слугам. Захватывая постепенно все новые и новые слои юрожан, употребление ты и вы получало разнообразные оттенки в соответствии с типичными для каждой общественной группы отношениями. Например, в XIX в. жены купцов нередко обращались к мужьям на вы, слыша ответное ты.

Уже в XVIII в. в русской речи четко противопоставлялись два типа обращения: обращение по имени к своему и низшему и почтительное обращение по имени и отчеству к высшему. Эта готовая модель отношений повлияла на то, как стали употреблять ты и вы. Вы закрепилось в основном для тех случаев, в которых принято было обращаться по имени и отчеству. Но полного совпадения со старой моделью не произошло, и, таким образом, русская речь обогатилась новым средством этикетной модуляции.

Характерное для середины XIX в. употребление ты и Вы дворянской семьей и ее окружением отразилось в замечательной трилогии Л. Н. Толстого "Детство", "Отрочество", "Юность".

Маленький Николенька с родителями на ты, но старая

ключница, отпущенная на волю крепостная няня его матери Наталья Савишна, говорит Николеньке вы. Когда однажды Николенька испачкал скатерть и Наталья Савишна по просьбе матери наказала его, Николеньку обидело, что при этом Наталья Савишна говорила ему ты:

После обеда я в самом веселом расположении духа, припрыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна, с скатертью в руке, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: "Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!" Меня так это обидело, что я разревелся от злости.

"Как! - говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлебываясь от слез.- Наталья Савишна, просто Наталья, говорит мне ты и еще бьет меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!"

...Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

- Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру. . я виновата... уж вы меня простите, мой голубчик...

Крепостной дядька Николай обращается к Николеньке и к его брату Володе по имени и отчеству, на вы, они к нему - по имени, на ты.

Все дети в доме Иртеньевых - Николенька, Володя, Любочка, Катенька говорят друг другу ты. На ты Николенька и с Сережей Ивиным, с которым познакомился в Москве и которого одно время очень любил. Но Сережа был не вполне свой: "Я не только не смел поцеловать его, чего мне иногда очень хотелось, взять его под руку, сказать, как я рад его видеть, но не смел даже называть его Сережа, а непременно Сергей: так уж было заведено у нас". В общении с не вполне своими дети ведут себя как "большие", и Николенька старается не показать себя "мальчишкой". Илинька Грап, сын бедного иностранца,- еще менее свой, поэтому Сережа и Николенька с ним в основном на вы.

Говоря постоянно друг другу ты или вы, люди так привыкают к одной форгле, что перестают обращать на нее внимание. Их отношения могут постепенно измениться, стать более близкими или далекими, но продолжают выражаться по-старому, прежним ты или вы. Зато переход от вы к ты, или наоборот,- всегда волнующее событие, утверждение новых отношений. На вечере по случаю бабушкиных именин Николенька был совершенно очарован Сонечкой Валахиной. Во время последнего танца, гросфатера, Сонечка предложила Николень7е ты:

- Знаете что? - сказала вдруг Сонечка,- я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю ты; давайте и с

вами говорить ты. Хочешь? прибавила она, встряхнув головкой и взглянув мне прямо в глаза.

В это время мы входили в залу, и начиналась другая, живая часть гросфатера.

- Давай...те,- сказал я в то время, когда музыка и шум могли заглушить мои слова.

- Давай ты, а не давайте,- поправила Сонечка и засмеялась.

Гросфатер кончился, а я не успел сказать ни одной фразы с ты, хотя не переставал придумывать такие, в которых местоимение это повторялось бы несколько раз. У меня не доставало на это смелости.

Очень интересно пользуется местоимениями ты и вы бабушка Николеньки. С равными, например с князем Иваном Ивановичем, она всегда на вы. Но преклонный возраст и самое высокое положение ее в обществе приводят к тому, что в постоянном и ближайшем ее окружении равных людей почти нет. Бабушкино "верховенство" так бесспорно, что ее вы, иногда обращаемое вниз (например, Николеньке, горничной Гаше), воспринимается, конечно, не как почтение. Такое вы звучит неприязненно, пренебрежительно, подчеркивает дистанцию. В сравнении с этим отдаляющим вы обычное ты к тем же людям начинает выражать приязнь, расположение. Возникает система отношений со "скользящей" дистанцией, при которой бабушка, в зависимости от того как меняются ее оценки и настроения, обращается к одним и тем же людям то на ты, то на вы. "Бабушка имела особенный дар,- пишет автор,- прилагая с известным тоном и в известных случаях множественные и единственные местоимения второго лица, высказывать свое мнение о людях.

Хотя она употребляла вы и ты наоборот общепринятому обычаю, в ее устах эти оттенки принимали совсем другое значение". Вот бабушка требует, чтобы Николенька извинился перед гувернером:

- Я надеялась, что вы будете благодарны,- продолжала она, помолчав немного и тоном, который доказывал, что речь ее была приготовлена заблаговременно,- за попечения и груды его, что вы будете уметь ценить его заслуги, а вы, молокосос, мальчишка, решились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы не способны понимать благородного обращения, на вас нужны другие, низкие средства. Проси сейчас прощения, прибавила она строго-повелительным тоном, указывая на St.-Jerome'a - слышишь?

Я посмотрел по направлению руки бабушки и, увидев сюртук St.-Jeromc'a, отвернулся и не трогался с места, снова начиная ощущать замирание сердца.

- Что же? вы не слышите разве, что я вам говорю?

Я дрожал всем телом, но не трогался с места - Коко! - сказала бабушка, должно быть, заметив внутренние страдания, которые я испытывал.- Коко,сказала она, уже не столько повелительным, сколько нежным голосом,- ты ли это?

Мы видим, что правила, по которым употребляют ты и вы в доме Иртеньевых, отличаются от современных, хотя и во многом сходны ними Отношения "свой - чужой" "выше - ниже - равный" важны и сегодня, этим вызывается сходство; но за ними стоят другие общественные условия, другая система оценки людей. Отсюда различия. Главное измерение, которое отражается в нашем этикете,- это различия в возрасте. Уважение к взрослому и особенно к пожилому человеку - одна из главных норм поведения. Невозможно представить себе, чтобы сегодня взрослый обращался к ребенку на вы, а тот отвечал ему ты. Ты принято между детьми и в обращении к детям. Дети обращаются к взрослым на вы, если эти взрослые не их папы, мамы, братья, сестры, бабушки, дедушки (в большинстве семей близкие родственники говорят друг другу ты). Между незнакомыми или не очень близкими друг другу взрослыми принято обращение вы.

Правда, встречается и ты ("Эй, мужик, не скажешь, где тут столовая?"), но только у людей недостаточно культурных. Среди взрослых неравноправное ты (когда человек обращается на ты, а в ответ требует лишь вы) проявление крайней невежливости, противоречащее самим основам нашего общества.

Работа занимает в нашей жизни большое место, и она сближает людей так же сильно, как и родство, иногда - даже сильнее.

Поэтому люди, которые постоянно вместе трудятся и составляют настоящую рабочую семью, нередко друг с другом на ты, несмотря на разницу в возрасте. Так принято в семье, и это не нарушает законов вежливости. У писателя Б. Васильева есть интересная повесть "Кажется, со мной пойдут в разведку..." о вчерашнем школьнике, который входит в маленький коллектив испытателей вездехода. Наступает такой момент, когда Гена старается осмыслить, что такое его экипаж. Он впервые задумывается над тем, что у водителя Федора есть семья, что он из другого поколения, потому что на двадцать лет старше, но что при этом на работе они товарищи и на ты:

Славка, получается, что он из отцов, а мы из детей.

Кто - он?

Федор А-а... Ну и что?

А мы на "ты"

Так мы ж на работе, Генка. Тут не до этого Такое объяснение

Гену не устраивает; вопрос неожиданно задевает и Славу, заставляет искать более точный ответ, срав нивать, взвешивать. Кто они друг другу в экипаже? "Нет между нами разницы ни с какой стороны,- подытоживает Слава.- И возраст поэтому тут ни при чем. Нету его у нас, возраста.

Вообще нету".

Возраст, конечно, остается. Но работа - главное, и равенство перед работой делает возраст признаком несущественным.

Различение ты и вы в обращении к одному человеку встречается у нас прежде всего среди городского населения, а из деревенских жителей пользуются им далеко не все. Это обеспечило употреблению вежливого вы особую престижность, сделало его признаком образованности, городского воспитания. Но не будем забырзгь, что отношения своих и чужих, близости и дистанции существуют независимо от того, пользуемся ли мы местоимением вежливости. Они могут выражаться и по-другому. Общение на ты со знакомыми и незнакомыми, как это принято у пожилых людей, живущих в деревне, в их среде не является неправильным.

Сегодня у русских не установилась еще единая норма употребления ты и вы, и это нужно учитывать. Если пожилой человек обращается к кому-либо доброжелательно, но на ты, ответить ему "Что вы мне тыкаете?" - не заслуженная им грубость. Человеческие отношения всегда важнее тех условных форм, которые создаются, чтобы эти отношения обозначать. В этом смысле условное вы ничуть не лучше столь же условного ты.

ЗНАКОМИМСЯ С ОБРАЩЕНИЯМИ

В "Горе от ума" (А. С. Грибоедов) Скалозуб говорит:

В тринадцатом году мы отличились с братом В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Нетрудно определить, кого называют словом брат. Брат - сын тех же родителей, двоюродный брат - сын дяди или тети.

А кому адресуется обращение брат? Ответить на этот вопрос труднее. Фамусов обращается так и к Чацкому ("Здорово, друг, здорово, брат, здорово"), и к Молчалину ("Что за оказия! Молчалин, ты, брат?"). "Братом" оказывается Чацкий и Платону Михайловичу ("Здорово, Чацкий, брат!"). Вообще так обращаются к родственникам и не к родственникам, к мужчинам и к женщинам. Бывает, что взрослый адресуется так к малышу. "Ну теперь, брат, держись!," - предупреждаем мы иногда и самих себя.

Словом брат можно обратиться и не к человеку. В известном рассказе А. П. Чехова новый хозяин говорит Каштанке: "Без имени, брат, нельзя".

Получается, что ни возраст, ни пол, ни степень родства, ни

социальное положение и вообще никакие собственные признаки того, кому направлена речь, словом брат в роли обращения не выражаются. Этим обращением мы вовсе не называем адресата речи, а только выражаем свое фамильярное отношение к нему. Причем именно свое отношение: говоря Молчалину "брат", Фамусов, конечно, не допускает и мысли, что его секретарь так же обратится к нему.

Обращения гражданин и гражданка указывают на пол адресата, но никаких других его признаков не сообщают, и главное в них - тоже выражение отношений. Но в отличие от обращения брат они выражают отношения сугубо официальные. Проведите небольшой эксперимент. Пусть несколько взрослых (чем больше, тем лучше) каждый в отдельности решат следующую задачу:

на улице кто-то окликнул вас: "Гражданин!" Кто бы это мог быть?

Можно не сомневаться в том, что большинство опрошенных дадут один и тот же ответ: милиционер. Ответ вполне естественный. Мы с вами на улице случайные прохожие, а для милиционера улица - его служебный пост, он здесь не частное лицо, а представитель государства, отсюда и официальность его речи; поэтому прозвучавшее на улице обращение гражданин и ожидается прежде всего от него, хотя этим официальным обращением пользуются, конечно, и другие.

А обращение товарищ? И оно никого точно не называет. Так же, как брат и гражданин, товарищ - обращение взрослых друг к другу, но, кто эти взрослые, сказать нельзя. Ясно лишь, в какие они вступают отношения. Обращение товарищ не Фамильярно, как браг, но и не столь официально, как гражданин. Сегодня оно почти нейтрально и, конечно, вежливо.

Итак, главное в обращениях брат, гражданин, товарищ - это выражаемый ими тон общения, тип отношений. Но есть обращения и другого характера: сосед, няня, водитель, дежурный, доктор, пешеходы, пионеры и школьники, капитан, Иван Иванович, Тимофеевна и т. п. Эти слова-обращения помогают точно адресовать речь, они прежде всего указывают признаки того, к кому речь обращена, хотя отношения между общающимися они тоже выражают. К одному и тому же человеку могут обратиться:

Коля, Коленька, Колька, Николай, Петрович, Николай Петрович, Иванов, сосед, доктор, папа, папочка, папуля, сынок мой, сыночек, сынуля и т. д. В этих обращениях отражаются такие собственные признаки адресата, как его имя, отчество, фамилия, профессия, то, что у него есть дети, родители и т. д. Вместе с тем

обращения этого типа несут этикетную информацию, поэтому они выступают в многочисленных вариантах и выбор каждого из них соответствует определенному типу отношений между говорящими.

В школьном учебнике об обращении говорится: "Обращение - это слово (или сочетание слов), называющее того, к кому обращаются с речью". Это, конечно, верно, но относится, как мы теперь видим, не ко всем обращениям: к обращениям доктор, водитель, няня и подобным относится, а к обращениям голубчик, браток и подобным - нет. Если к кому-то обратились водитель, мне уже известно хотя бы занятие этого человека. Но что можно сказать о том, к кому адресовались словом голубчик? О нем самом - почти ничего. Например, Николенька Иртекьев обращается так к своей маме: "Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя!"

Адресат этим обращением не назван, выражены лишь отношение к нему и призыв общаться.

В повести А. Гайдара "Тимур и его команда" Тимур встречается с хулиганом Квакиным:

Квакин остановился.

- Здорово, комиссар! - склонив голову набок, негромко сказал он.- Куда так торопишься?

- Здорово, атаман! - в тон ему ответил Тимур.- К тебе навстречу.

Обращения комиссар, атаман многое говорят читателю - и о характерах героев, и об их отношениях.

В нашей речи обращения используются для нескольких целей.

Во-первых, они выделяют адресата речи, и это очень важное их применение. Ведь речи, никому не адресованной, не бывает, и указывать адресата речи просто необходимо. Во-вторых, обращения имеют этикетное значение. Они предлагают адресатам общаться в определенном тоне, соблюдая определенные отношения: отношения людей близких или далеких, равных или неравных, отношения дружеские, фамильярные, почтительные и т. д. Обращения типа брат (когда оно не обозначает брата) нужны нам главным образом для того, чтобы регулировать отношения с теми, к кому мы адресуемся. Поэтому если им нужно дать специальное название, то, наверное, подойдет слово регулятив. Брат - обращение-регулятив, браток, голубчик - тоже. У обращений типа няня, водитель и подобных главная задача иная - обозначить адресата речи. Давайте назовем их обращениям и - индексами.

Обращений-индексов очень много: мальчик, девочка,

дежурный, пионеры, школьники, строители и т. д. Любое название, примененное для обозначения адресата,- индекс.

Обращений-регулятивов, конечно, гораздо меньше, потому что они приспособлены выражать только типичные, часто повторяющиеся отношения между людьми. Некоторые из регулятивов вообще почти никогда не используются как именования. Например, слова дружище, старина, браток, голубчик выступают обычно лишь в роли обращений. Другие регулятивы внешне совпадают с именованиями, но четко отграничены от них по содержанию:

регулятив брат вовсе не предполагает, что адресат - наш брат, точно также словом товарищ мы обращаемся не обязательно к своим друзьям.

В народной речи Ярославской области встречается регулятив матушка. Так обращаются не к матери, не к свекрови или теще, а к любой женщине и даже к любому мужчине для выражения общей доброжелательности (звучит он и тогда, когда говорят с животными). "Что ты все записываешь, матушка?" спрашивала автора этих строк старушка, с которой он долго беседовал в одной из деревушек под Рыбинском. Она сидела у крыльца своего дома и следила за игравшим на траве внуком. "Не бегай, не бегай так, матушка!" то и дело остерегала она его.

Если бы обращения нужны были нам только для того, чтобы было ясно, с кем мы говорим или кому пишем, в каждом тексте достаточно было бы всего одного обращения. Но мы должны еще выражать свое отношение к адресату текста, напоминать ему об этом отношении в наиболее важные моменты речи, подчеркивать то одну, то другую сторону этих отношений. Поэтому в речи, адресат которой остается неизменным, встречается не обязательно одно обращение. Например, редкое письмо, кроме официального или полуофициального, не включает в себя нескольких обращений. Чем разнообразнее содержание письма, чем оно эмоциональнее, тем чаще встречаются в его тексте обращения. Можно даже сказать, в каких именно частях письма их появление наиболее вероятно: в тех, что теснее всего связаны с адресатом и адресантом, то есть в частях, этикетно наиболее важных, и, кроме того, в местах самых значительных, во фразах, содержащих вопросы, просьбы, пожелания, предложения.

Вот фрагмент письма, написанного 26 мая 1931 г. замечательным советским писателем Николаем Островским. Островский пишет одному из своих ближайших друзей, регулярная переписка с которым не прерывалась много лет,- Петру Николаевичу Новикову:

...Я, Петушок, весь заполнен порывом написать до конца свою

"Как закалялась сталь". Но столько трудностей в этой сизифовой работе - некому писать под мою диктовку. Это меня прямо мучит, но я упрям, как буйвол. Я начал людей оценивать лишь по тому, можно ли их использовать для технической помощи.

Пишу и сам!!! По ночам пишу наслепую, когда все спят и не мешают своей болтовней. Сволочь природа взяла глаза, а они именно теперь так мне нужны...

Удастся ли прислать тебе и моим харьковским друзьям некоторые отрывки из написанного? Эх, если бы жили вместе, как было бы хорошо! Светлее было бы в родной среде. Петя, ответь, дружок: что, если бы мне понадобилось перепечатать с рукописи листов десять на пишущей машинке, мог бы ты этот отрывок перепечатать, или это волынка трудная? Редакция требует два-три отрывка для оценки... Ты хочешь сказать, что я тебя хочу эксплуатировать, но, Петушок, ты же можешь меня к черту послать, от этого наша дружба не ослабнет ничуть.

Жму твою лапу и ручонку Тамары.

Коля Островский.

13 января 1936 г. Письмо матери, О. О. Островской:

Милая голубка, матушка!

Крепко тебя обнимаю и целую, мою старенькую приятельницу Ты должна мне написать подробно обо всем, что у вас там делается. Я работаю. Завтра будет закончена седьмая глава, шестую я пропустил.

Выполни все мои поручения насчет ликвидации старого барахла-рухляди, которая только загромождает ваше жилище.

Помни, матушка, мой призыв к тебе: не подымай тяжелых вещей, не берись за изнурительную работу. Помни, что у тебя разгромленное сердце. Займись лечением всерьез. Все, что нужно для этого, я сделаю.

Береги себя, родная, чтобы, когда мы приедем, ты была здорова, жизнерадостна.

Напиши о здоровье отца и вообще, как вы там живете. Мы здесь пока все здоровы, а это самое главное.

Крепко жму твою руку и обнимаю тебя.

Коля.

Оба письма эмоциональны, содержат просьбы, вопросы, пожелания, и в каждом из них несколько обращений, расположенных именно в тех частях, о которых мы только что говорили.

Вместе с тем для современной русской речи нельзя сформулировать правила о том, где в тексте непременно должны стоять обращения, где их не может не быть. Объясняется это многими причинами, и некоторые из них нетрудно понять.

Во-первых, каждый письменный или устный текст организован как целое. У его создателя есть определенная цель, которой он старается достичь своей речью. Для многих видов текста выработались типичные формы начала и конца, определенные приемы построения главной его части. Так, школьное сочинение на литературную тему обычно начинается вступлением, в котором вводится тема сочинения, показывается, чем интересна она автору, почему из нескольких тем выбрана именно эта; нередко во вступлении объясняется, какая из разных сторон темы будет раскрыта. Автор сочинения напоминает во вступлении читателю те важнейшие факты, которые помогут понять основное содержание сочинения, вызовут к нему интерес, как-то настроят читателя.

Хорошее сочинение всегда своеобразно, не повторяет учебник или другие школьные сочинения даже на ту же тему. Но при всех индивидуальных особенностях хорошего сочинения оно подчиняется законам этого жанра, законам построения школьного сочинения вообще, и, читая его, можно понять, что перед нами школьное сочинение, а не что-то другое. Цельность построения текстов позволяет учиться их созданию. Можно научиться писать письма, сочинения, деловые бумаги, правильно строить устное выступление на собрании, доклад в научном кружке и т. д. Внутри цельного текста существуют многочисленные связи, смысловые и формальные, скрепляющие его. Это позволяет находить в текстах лишние или разрушающие его элементы, замечать недостающие, позволяет работать над текстом. Но нормальный текст обладает и единством адресации, то есть весь целиком и каждой своей частью напразлен одному и тому же адресату. Неважно, кто этот адресат.

Он может совпадать с создателем текста (заметки в записной книжке обычно адресуются самому себе), может быть конкретным лицом, как в приведенных письмах Н. Островского, может быть собирательным адресатом типа адресата "Пионерской правды" или "Комсомольской правды" и т. д. Существенно лишь то, что текст адресуется в целом. Итак, текст - нечто цельное и адресуется он целиком одному адресату. Какое же место в связи с этим должно занимать в тексте обращение?

Используем сравнение. Вот перед нами разостлан платок.

Он похож на текст тем, что обладает цельностью и формой:

у него есть середина и края, центр и периферия. Как можно этот платок поднять? По-видимому, самыми разными способами. Можно потянуть его за один из концов, можно подхватить его в центре или в любой другой точке, все равно поднимется весь платок, поскольку его части связаны. Правда, в каждом случае

платок будет принимать разные формы, но и текст в зависимости от того, где помещено в нем обращение, будет несколько по-иному выглядеть, по-иному восприниматься. Главное же - где бы ни поместили мы обращение, оно адресует весь текст, если он действительно представляет собой единство.

Но сходство текста с платком, конечно, неполное. Начало и конец определяются у платка условно, а в тексте свободно менять направление, в котором мы его произносим или читаем, не удается. Бывают тексты без выделяющегося смыслового центра и тексты, у которых отдельные части явно неравноправны в смысловом отношении. Поэтому нам вовсе не все равно, где находится указывающее на адресата обращение: лучше, если в начале текста, чем в конце; лучше - в наиболее важной его части, чем в малосущественной; можно в одном месте, но можно и в нескольких: ведь и платок мы поднимаем иногда за несколько точек сразу. Обращения-регулятивы явно тяготеют к тем местам текста, где речь идет о нас или об адресате. Таким образом, цельность текста позволяет размещать обращения достаточно свободно, а его организованность, устроенность, неоднородность налагают на размещение обращений свои ограничения. Вот первая причина того, что для многих типов современных русских текстов нельзя сформулировать не знающие исключений правила, как располагать обращения.

Во-вторых, недо помнить о том, что обращение - не единственный способ адресовать текст и не единственный способ выразить отношение к адресату. Так, говорящий может дотронуться до адресата, подойти к нему поближе, заглянуть ему в лицо, посмотреть в глаза, и все эти действия даже без обращений хорошо покажут, кто адресат речи. Само содержание текста во многих случаях достаточно четко выделяет адресатов, и обращение к ним оказывается необязательным. К вокзальным объявлениям о прибытии и отходе поездов не нужно присоединять обращений именно по этой причине. Нередко обращение заменяется специальным текстом, показывающим направленность речи. Такими текстами являются, например, аннотации, помещаемые в книгах. Аннотация кратко определяет содержание книги и обычно сообщает, на кого книга рассчитана. В аннотации к этой книге (или в специальном подзаголовке) будет сказано: для учащихся VII-VIII классов. И, конечно, вы не забыли, как много существует средств этикетной модуляции речи.

Обращение - лишь одно из них, хотя и очень важное. Значит, даже там, где обращение может стоять, где появление его весьма вероятно, мы не всегда его используем.

Многое зависит и от культурной традиции. Современное

письмо почти всегда начинается с обращения. Древнейшие же из дошедших до нас частных посланий, писанных на Руси, строились по-другому. Вначале сообщалось, от кого письмо и кому. Обращения в зачине письма не было, именования отправителя и получателя входили в формулу начального приветствия "Поклон от... ко...". Эта традиция держалась в России долго, до XVIII в.

Вот полный текст одного из писем на бересте (письмо найдено в Новгороде, датируется предположительно XV в.):

Поклонъ от Михаили к осподину своему Тимофию.

Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине, целовекъ спроста, а мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова.

Имать - по-древнерусски "брать". Исследователи разделили текст на слова и предложения, расставили в нем современные знаки препинания, выделили собственные имена прописными буквами, и теперь смысл послания Михаила к его господину понятен: приказчик сообщает, что земля готова к посеву, требуется разрешение феодала, чтобы взять семена. Письмо начато традиционной формулой без обращения. В середине письма обращение есть: осподине. Обратите внимание, где оно стоит в предложении с просьбой, в котором упоминаются сам господин и его действия ("пришли")

В древнерусском языке, как и во многих других языках, обращение-существительное ставилось в специальной форме, в так называемом звательном падеже. В письме Михаила осподинезвательный падеж слова осподин. Надобности повторять в тексте, кому адресовано послание, здесь не было, но нельзя было не подчеркнуть своей зависимости от господина при его упоминании. Слово осподине и употреблено в этикетных целях, это обращение-регул ятив.

Обращения-индексы сами по себе не являются вежливыми или невежливыми. Их этикетная информация минимальна, и восприятие их зависит в основном от ситуации, в которой они использованы. Так, индекс "Дежурный" в некоторых специальных условиях, например в условиях классных занятий в школе, может быть приемлем. Такое же обращение постороннего к человеку с повязкой дежурного - грубовато. Телефонистки междугородных линий обращаются друг к другу Дежурненькая, добавляя к индексу уменьшительно-ласкательный суффикс и делая таким образом речь более вежливой. Есть и другое средство этикетного изменения индексов: к ним присоединяют регулятивы Товарищ дежурный! Дорогой Иван Иванович! Милый Петя! Гражданин Петров!

и т. п. Часто одновременно применяют несколько способов модуляции: Дорогой мой Коленька (регулятивы и экспрессивный

суффикс). Использован здесь и еще один прием: из всего состава имени (имя, отчество и фамилия) выбрано только личное имя.

Особенность русского языка в именовании людей заключается в том, что имя состоит из нескольких компонентов. Окликая знакомого, мы можем обратиться к нему с помощью полного личного имени (Николай), уменьшительного имени, или полуимени (Коля), посредством имени и отчества или только фамилии, изредка - по имени и фамилии. Выбор имеет этикетный смысл, выражает отношение к адресату.

В прошлом обращение по имени или имени и отчеству зависело в основном от принадлежности к господам или "людям", возраст имел меньшее значение. В повести Н. Г. Гарина-Михайловского "Детство Темы", которую все вы, конечнр, читали, горничная Таня к восьмилетнему сыну генерала обращается по имени и отчеству: Артемий Николаевич. Это было нормой.

Темина мама сама зовет его Темой, но, говоря о нем с прислугой, тоже называет сына Артемием Николаевичем: для прислуги он только Артемий Николаевич:

- Купаться будут все: сначала барышни, а потом Артемий Николаевич. Ванну на двадцать два градуса.

Ступай!

Но тут же мать снова позвала Таню и прибавила:

- Таня, перед тем как поведешь Артемия Николаевича, убавь в ванной свет в лампе так, чтобы был полумрак.

Сегодня молодые люди до начала самостоятельной жизни обращаются друг к другу только по имени. В обстановке неофициальной такое обращение принято и у людей более взрослых.

Взрослые 30-40 лет при знакомстве нередко сразу начинают звать друг друга по имени, а если они давние близкие знакомые, то обращение по имени может сохраниться у них на в":ю жизнь.

Замечено, что возрастная граница обращения по имени постепенно поднимается в каше время все выше. Советский языковед Е. А. Земская пишет: "До революции было принято называть студентов по имени и отчеству. В 40-е гг. Б Московском уийверситете некоторые преподаватели называли студентов по имени и отчеству. В 70-е гг. лишь иногда преподаватели обращаются к студентам по имени и отчеству. Как дравило, преподаватель па зывает студента по имени (или по фамилии) и на Вы, редко - по фамилии с добавлением слова товарищ".

Все учащиеся, в том числе, конечно, и школьники, обращаются к преподавателям по имени и отчеству. Вообще, по имени и отчеству обращаемся мы обычно ко всем, с кем общаемся на Вы, но бывают и отдельные отступления от этого правила.

Сложность состава русского имени создает трудности при выборе отдельных его частей для обращения. Е. А Земская показывает это так:

Представим, что у нас есть знакомый Николай Николаевич Васильев. Ему сорок лет. Он инженер.

Кто и как его называет?

Жена зовет его Коля (уменьшительное от Николай), так же зовут его родители, братья, сестры, другие родственники и друзья. Дети зовут его папа, а иногда шутливо - папа Коля.

Племянник и племянница - дядя Коля, так же зовут дети его друзей. Но те из них, кто постарше, называют его по имени и отчеству: Николай Николаевич!

На работе сослуживцы и начальник зовут его Николай Николаевич, а те, кто знаком с ним много лет,- Коля или Николай, некоторые из них, но не все обращаются к нему на ты; на собрании - товарищ Васильев! Когда он учился в школе, к нему обращались Васильев! или Коля Васильев!. В деревне, где он провел детство, знакомые старики называли его уважительно Николаич. Когда он поехал на красный свет, милиционер потребовал у него шоферские права и назвал гражданин Васильев!

В примере Е. А. Земской - современные обращения и принятые сегодня правила использования их. Однако язык изменчив, меняются, конечно, и обращения. Но прежде чем перейти к главе о судьбах обращений, попробуйте решить следующие задачи.

1. Кому адресуются ваши школьные сочинения и почему в них обычно не бывает обращений?

2. На опушках леса вы не раз видели такие плакаты: "Лес - наше богатство. Не разводите в лесу костров. Не бросайте горящих окурков Берегите лес от пожара!" Почему обращение в этом тексте не обязательно? Какие места могло бы занимать в тексте обращение "Товарищи!"? Почему именно эти? Нередко обращения вставляются внутрь предложения. Возможно ли это в данном случае? Почему?

ОБРАЩЕНИЯ МЕНЯЮТСЯ

Товарищ Васильев! Гражданин Васильев! - это обычное сегодня сочетание индекса с регулятивами. Но, конечно, не любое сочетание регулятив +индекс принято. Например, обращения Товарищ дедушка или Уважаемый товарищ дедушка покажутся весьма странными в письме внука и еще более странными - при устном общении. На язык начала XIX в. их можно "перевести"

примерно так: Милостивый государь дедушка/ Было бы ли это и тогда столь же странным?

Представьте себе, нет.

Милостивый государь дедушка

Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастии моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение...

Это пишет А. С. Пушкин 24 февраля 1831 г. А. Н. Гончарову, деду Наталии Николаевны. Письмо имеет полуофициальный характер, и в конце его обращение должно повториться:

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностию имею счастие быть, милостивый государь

дедушка,

Вашим покорнейшим слугой

и внуком.

Александр Пушкин.

А вот еще одно письмо. В 1802 г. его написала Екатерина Александровна Радищева, дочь А. Н. Радищева.

Милостивый государь дедушка и милостивая государыня бабушка.

Мы давно уже не имели удовольствия получать от вас известия, вы не можете себе представить, как это грустно. Мы живем в таком отдалении, что подумать о том грустно. Но будьте уверены, что ничто не может переменить почтение и любовь послушной внучки вашей.

Катерина Радищева.

В XVIII и начале XIX в. обращение милостивый государь дедушка не удивляло: это была норма.

Странным показалось бы сегодня и обращение, составленное из нейтрального регулятива и имени и отчества: товарищ Анна Петровна или товарищ Николай Николаевич. А вот в повести Ф. М. Достоевского "Село Степанчиково и его обитатели"

к одному из героев обращаются так: "сударь Степан Алексеевич".

И такая норма существовала.

Не только отдельные сочетания регулятивов с индексами и их оценка сильно изменяются с течением времени, но меняются, конечно, и сами индексы и регулятивы. И не могут не меняться! Ведь обращения самым тесным образом связаны с отношениями между людьми и чутко откликаются на развитие общества. Медленнее меняются обращения неофициальные, обращения друг к другу людей близких: родственников, друзей. Быстрее - обращения официальные.

"Катеринушка, друг мой сердечнинькой, здравствуй!" - так начинаются многие письма Петра I жене Екатерине Алексеевне.

"Любезнейшая племянница наша", "Любезная племянница",- обращается Петр I к дочери своего брата. Однако обращение к нему племянницы гораздо менее свободно: "Милостивейший Государь мой дядюшка и батюшка, Царь Петр Алексеевич, здравствуй на множество лет!" Разница эта вызвана и тем, что Петр - царь, и тем, что отношения между мужчинами и женщинами в семье той эпохи не были равноправными. Неравноправие женщин требовало закрепленного традицией выражения большей почтительности с их стороны.

Это легко заметить, если сравнить письма жен к мужьям и мужей к женам. Вот фрагменты двух писем конца XVII в.

От Дмитрея Ивановича жене моей Агафьи поклон да детем мир и благословение, здравствуйте на многие лета. А я на Москве июля по 17 де(нь) дал бог жив, а впредь уповаю на милость божию. Да прикажи за хлебом ходить так, как при мне хаживали...

Это типичное начало посланий мужа к жене. На первом месте стоит полное имя Дмитрия Ивановича с отчеством, с почетным "вичем", затем упомянуты жена и дети. А вот как пишет ему А. С. Маслова:

Государю моему Дмитрею Ивановичю женишка
твоя Агафьица з детишка(ми) твоими челом бьет,
здравствуй государь на ево великого (Государя) служ
бе. А про дом свой изволишь воспомянуть - ив дому
твоем дал бог все здорова...

Порядок упоминания лиц, как видим, не изменился: хотя адресант здесь уже Маслова, первым все равно назван муж. К его имени добавлен регулятив государь мой, а женишка, Агафьица, детишки стоят в скромной, уничижительной форме.

Феодально-бюрократическому обществу присуще закрепление социальных отношений в строгой системе сословной иерархии.

Выражением этих отношений служили и введенная Петром I система титулов, и установленное при нем четкое соотношение государственных должностей по Табели о рангах, и множество других, как правило, законодательно оформленных различий, в том числе и таких на первый взгляд мелких, как особенности чиновничьих мундиров разных ведомств и классов или ливрейной одежды слуг (тот, кто давал слугам ливрею не соответственно своему чину, по закону 1885 г. подвергался штрафу в размере 300-500 рублей или даже аресту сроком до трех месяцев).

Табелью о рангах (она почти без изменений действовала до

Великой Октябрьской социалистической революции) определялось не только служебное поведение гражданских и военных чинов, но и многое другое в общественной жизни.

"Все замужние жены поступают в рангах, по чинам мужей их,- говорилось в Табели,- и когда они противно тому поступят, то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ее за свое преступление". В данном случае под преступлением имелись в виду попытки получать почести не по рангу, что наказывалось - и это тоже было предусмотрено Табелью о рангах штрафом, равным двухмесячному жалованью.

Хотя в закане специально оговаривалось, что "осмотрение каждого чина не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко друзья и соседи съедутся или в публичных ассамблеях, но токмо в церквах при службе Божией, при Дворовых церемониях, яко при аудиенции послов, торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, при крещениях и сим подобных публичных торжествах и погребениях", практически все общественное поведение людей корректировалось сословно-бюрократическим членением общества. Крепостной или не крепостной, дворянин или не дворянин, титулованный - не титулованный, служащий высшего или низшего ранга - этим в значительной мере определялось достоинство человека, на это были ориентированы и принятые формы вежливости.

Обращения в армии точно регламентировались. Одна из лучших наших дореволюционных энциклопедий - "Энциклопедический словарь" Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона - сообщала в 1901 г. читателям: "Полным генералам положено говорить Ваше Высокопревосходительство, генерал-лейтенантам и генералмайорам - Ваше Превосходительство, если лица эти не имеют княжеского и графского титула. Начальников и старших из штаб- и обер-офицеров офицеры, подпрапорщики и кандидаты на классную должность называют по чину, прибавляя слово господин, например, господин капитан, господин полковник, прочие нижние чины титулуют штаб-офицеров и капитанов - Ваше Высокоблагородие, остальных обер-офицеров - Ваше Благородие (имеющих графский или княжеский титул - Ваше Сиятельство).

Нижние чины говорят начальникам и старшим из низших чинов: господин подпрапорщик, господин фельдфебель, господин унтер-офицер и т. п Начальники и старшие, обращаясь к подчиненным или младшим офицерам, именуют их по чину или по чину и фамилии, например, поручик такой-то. Нижних чинов они называют просто по фамилии, кроме старших боцманов и кондукторов флота, коих должны называть по званию (например,

старший боцман такой-то)".

Обращения к чинам гражданским в значительной мере совпадали с принятыми в армии. Например, к действительным тайным советникам 1-го и 2-го классов обращались так же, как к полным генералам: Ваше Высокопревосходительство, к тайным советникам и действительным статским советникам - как к генерал-лейтенантам и генерал-майорам: Ваше Превосходительство.

Легко вообразить, в какое труднейшее положение поставил горожан Хлестаков, "напустив туману", но не представившись по-настоящему уездным чиновникам. Как его титуловать? Подыгрывая барину, Осип, вообще-то зовущий его по имени и отчеству, именует при купцах "высокоблагородием", поднимая таким образом с низшего 14-го класса (Хлестаков - коллежский регистратор) сразу до 8-5-й ступени. Купцы адресуются к нему как к "сиятельству", приписывая тем самым Хлестакову графское или княжеское достоинство. "Его высокоблагородному светлости господину финансову",- изобретает купец Абдулин, образуя невероятное сочетание, в которое вводит и титул редких княжеских родов - "светлость". "Превосходительством" титулует Хлестакова городничий, так как в знаменитой "сцене вранья" Хлестаков сам произвел себя в генералы, "взявшись" управлять департаментом и сообщив, что на пакетах ему пишут "Ваше Превосходительство". Другие чиновники осторожно предпочитают вообще обходиться без обращений.

Легче всего, конечно, дамам: "А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нем образованного светского высшего тона человека, а о ччнах его мне и нужды нет".

Для Анны Андреевны Хлестаков - Иван Александрович, и только.

В России XVIII-XIX вв. в качестве основных выступало несколько групп обращений. Это, во-первых, обращения служебные, о которых уже шла речь. Во-вторых,- родственные. Прекрасный пример использования родственного тятенька дает А. Н. Островский в пьесе "Свои люди - сочтемся". Приказчик Подхалюзин тотчас начинает звать будущего тестя тятенькой, как только получает согласие на брак с его дочерью, и таким образом закрепляет достигнутое положение, причем обращение тятенька комически противоречит прямому смыслу притворно скромной реплики Подхалюзина:

Большое. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

БОЛЬШОЕ. Ну, а коли перевернулась, так мы тебя поправим.

Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу; так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзик. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотка заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с!

Хлестаков перед самым отъездом просит мимоходом руки Марьи Антоновны и даже успевает получить благословение все еще не верящего в это чудо городничего. "Прощайте, маменька!" - как доказательство реальности случившегося звучит голос отъезжающего "жениха".

Обращения не служебные и не родственные (князь, граф, сударь, сударыня, государь, милостивый государь, господа, батюшка, барин, любезный, голубчик, приятель, братец и т. п.)

составляли третью группу. Эти слова передавали отношения и чисто личностные, и социальные. Часть из них служила для общения внутри коллектива равных (господа выражало отношения равенства в одной среде, ребята - в другой), часть - для общения людей, принадлежащих к разным общественным слоям (барин, человек...).

Конечно, основные типы обращений не были совершенно отделены друг от друга и постоянно взаимодействовали, тем более что между отношениями, которые они передавали, существовала тесная связь. Важной особенностью дореволюционных обращений было то, что существовали служебные обращения как особый тип. Выражая сословно-бюрократическую структуру общества, они оказывали заметное влияние и на формы неслужебного общения. С другой стороны, на обращения третьей группы очень сильно влияли термины родства и формы обращения к родственникам. Но это уже явление едва ли не универсальное: во многих языках, в обществах, имеющих самое разное социальное строение, именования родственников и формы обращения к ним могуг, как правило, служить и неофициальными обращениями к неродственникам. Такая тенденция проявляется и в современной русской речи. Как в прошлом батюшка, матушка, братец и подобные обращения могли адресоваться неродственникам, так и сегодня папаша, мамаша, отец, моть, сынок,, дядя, дяденька, тетя, братец, браток, бабушка и т. п. используются и за пределами родственной сферы. Эти обращения сохраняют в подобных

случаях признак неофициальноеТ общения и продолжают передавать различия в возрасте адресанта и адресата.

Дело, видимо, в том, что обращения-регулятивы возникают из индексов. На маршруте Индекс - Регулятив слово утрачивает способнее!ь передавать многие (или даже все) признаки адресата и при этом сохраняет или даже развивает признаки относительные. Путь долгий и сложный, с остановками, отвегвлениями и даже с тупиками. Нередко слово-индекс проходит его не в общем употреблении, а сначала в речи отдельных слоев общества (в возрастных, профессиональных, сословных и т. п.

группах) да еще в каждом из них по-своему, так что появляются многозначные регулятивы и регулятивы-варианты.

- Та сраженья была настоящая,- сказал старый солдат.- Только и было чем помянуть; а то все после того... Так, только народу мученье.

- И то, д я д ю ш к а. Позавчера набежали мы, так куда те, до себя не допущают. Живо ружья покидали.

На коленки. Пардон - говорит. Так, только пример один.

(Л. Н. Толстой. "Война и мир".)

В прежней армии старый солдат - наставник новобранца - назывался дядькой, а обращались к нему дядя, дядюшка, дяденька. Постепенно дядя сделалось принятым среди солдат вежливым обращением к ветерану. Здесь так же утрачен признак родства, как и в адресуемом взрослому детском обращении дядя (дяденька, дядечка); но дядя солдатское и дядя детское - обращения разные. Путь первого уже оборвался, второе продолжает активно жить. Сохраняется и просторечный вариант обращения дядя, которым пользуются не обязательно молодые люди, иногда и пожилые, особенно женщины. Это о нем писал В. И. Даль:

"В беседе человека средних лет честят дядей, как старика дедушкой, молодого братом, а иногда и сыном". У Даля приведена и пословица: "Каков дядя до людей, таково ему и от людей". В ней дядя уже не обращение, а именование, но такое, которое, видимо, само возникло из упомянутого регулятива, так что станция Регулятив - не последняя. Из регулятивов в речи могут возникать и наименования.

В речи приятелей-ровесников индекс старик теряет способкость обозначать человека пожилого возраста. Остается только указание на тип общенияфамильярно-ласковый:

Я не ошибся, хоть и годы
И эта стеганка на нем.
Он!

И меня узнал он, с ходу
Ко мне работает плечом.
И чувство стыдное испуга,
Беды пришло еще на миг,
Но мы уже трясли друг друга
За плечи, за руки...
- Старик!
- Старик!
Взаимной давней клички
Пустое, в сущности, словцо
Явилось вдруг по той привычке.
А я смотрю ему в лицо...
(А. Твардовский "За далью - даль".)

"Взаимная кличка" - это и есть социально обособленное обращение; другие не обращаются к нам с этим словом, оно наше, признак нашей социальной группы, признак принятых в ней отношений. Таково же знаменитое флотское братишка. Здесь также на переходе от индекса к регулятиву снимается признак, связанный с отношениями родства, остается указание на тип общения и характер коллектива общающихся, своеобразный его пароль.

При ломке общественного уклада, когда возникают новые социальные отношения, регулятивы не могут не меняться, ведь многие из них призваны отражать саму структуру общества, состав его социальных ролей. На политической арене появляются новые общественные типы, новые социальные слои делаются хранителями норм поведения. Идет укрепление новых обращений, и вокруг них нередко разворачивается упорная борьба. Обращения могут становиться символами социальных движений, обозначением общественных идеалов.

В 1906 г. читатели познакомились со сказкой А. М. Горького "Товарищ!". Город рабов и хозяев. В нем нет солниа, нет воли, нет счастья. Но вот в жизнь угнетенных, в их сердца, "отравленные многими обидами, в сознание, засоренное пестрой ложью мудрости сильных,- в эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью унижений,- было брошено простое, светлое слово:

- Товарищ!"

Оно звало к новой жизни - к жизни правды и равенства - и было для людей "как радостная весть о будущем". И люди повторяли друг другу чудесное слово, смущаясь непривычностью отношений, возникавших между ними.

- Товарищ! - говорили они. И чувствовали, что это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту

свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, ради свободы его.

Когда это слово вросло в сердца рабов - они перестали быть рабами...

В те годы товарищ было обращением революционеров, принятым и среди большевиков. Его отлично знали в этой роли, товарищ характеризовало человека, его убеждения, отчасти и принадлежность к организации. В горьковском рассказе "9-е января" есть образ молодого парня с красным флагом. Его "дерзкий голос" вплетается в толки людей, идущих к царю просить помощи.

Среди множества одновременно звучащих фраз речь парня с красным флагом мы узнаем по обращению товарищи:

- Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздраженными всплесками криков:

- Мы желаем открыто...
- Ты, брат, молчи!..
- К тому же,- отец Гапон...
- Он знает!..
- Мы тоже люди, как-никак...
- "Он", чай, поймет,- мы просим...
- Должен понять!.. Не бунтуем...
- Опять же,- отец Гапон...
- Товарищи! Свободу не просят...
- Ах, господи!..
- Да погоди ты, брат!
- Гоните его прочь, дьявола!..
- Отец Гапон лучше знает как...

В том, что у членов той или иной организации вырабатывается (а иногда и официально принимается) свое обращение, нет ничего необычного. Разные обращения приняты, например, среди членов отдельных политических организаций Германской Демократической Республики: в Социалистической единой партии Германии - Genosse(in) "товарищ", в Демократической крестьянской партии Германии - Kollege(in) "коллега, товарищ". Но русское товарищ и в дооктябрьские годы не было только внутрипартийным знаком, оно обращалось к поднимающимся на борьбу массам, было для них "яркой, веселой звездой, путеводным огнем в будущее" (А. М. Горький).

В листовке, обращенной к забастовавшим рабочим и работницам фабрики Торнтона (ноябрь 1895 г.), В. И Ленин писал от лица самих рабочих: "Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную

минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька.

Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями".

История слова товарищ далеко не проста, оно не раз меняло значения, развивало дополнительные оттенки содержания и теряло их. Сочетания товарищ министра, товарищ прокурора трудно воспринять сегодня как названия должностей. Между тем в прошлом такие должности были.

Забыт и "коммерческий" смысл слева, приобретенный им в разного рода "товариществах" на паях, в торговых, страховых и т. п. "компаниях".

Не всегда товарищ обозначало и друга. Главное значение его в русском языке середины XIX в., по свидетельству В. И. Даля,- 'соучастник в чем-либо'. Товарищ - человек, близкий по делу, занятию, член моей организации, моего общества. В этом значении слова, как в зародыше, содержалась возможность появления последующих его применений.

В послании "К Чаадаеву" (1818) поэт обращается к другу дважды:

...Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Едва ли случайно Пушкин называет Чаадаева "товарищем"

именно в заключительной части послания. Не одно лишь ожидание "минуты вольности святой", но и дело, общее дело проглядывает в этих строках. "Товарищ" здесь так же решительно и действенно, как и "обломки самовластья".

"После Октября песь мир разделился на товарищей и других.

Назвать товарищем - значит принять в новое общество",- пишет в интересной главе, посвященной слову товарищ, писатель Л. Я. Боровой (Путь слова. М., 1974) и цитирует В. Маяковского:

Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин

словом,
нас объединяющим
"Товарищи"
(В Маяковский "Любовь")

Но единство достигается не сразу, и "товарищи" еще долго сохраняет свое объединяющее и бо~е~ште разграничивающее употребление даже внутри страны.

1928 год. В. Маяковский готовит к постановке современную феерическую комедию "Клоп". Картина первая. "По всему театру расхаживают частники-лотошники":

- Пожалте, мусью!
- Прикажите, гражданочка!
- Берите, граждане...
- Угодно, сударыня?
- Устраивайтесь, товарищи!

Устраивается возле "дочки на доходном предприятии" махровый мещанин Пьер Скрипкин (бывший Присыпкин, "бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених"). Правда, бывшим он себя не считает и полагает возвысить "своим благоустройством" класс, от которого на самом деле уже оторвался.

Розалия Павловна. Товарищ Присыпкин...

Присыпкин. Не называйте меня товарищем, гражданка, вы еще с пролетариатом не породнились.

Розалия Павловна. Будущий товарищ, гражданин Присыпкин, ведь за эти деньги пятнадцать человек бороды побреют, не считая мелочей - усов и прочего...

Через театр маршируют пожарники, выкрикивая:

Товарищи и граждане,
водка - яд.
Пьяные
республику
за зря спалят!

Товарищи и граждане. На столкновении их идеалов строится вся пьеса.

Пролежавшего пятьдесят лет во льду Присыпкина "воскрешают" в мире, где все давно товарищи. Но этот мир не для него, и вот в одной клетке демонстрируются посетителям зоопарка "клоп нормалис" и "обывателиус вульгарис" - Присыпкин. Одинокий в обновленном обществе, Присыпкин вдруг узнает в зрителях подобных себе: "Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда?

Сколько вас? Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю?!

-Граждане!.."

"Проблема - разоблачение сегодняшнего мещанства",- писал о "Клопе" автор. Остра, точно направлена "гражданам" и составленная В. Маяковским рекламная летучка к спектаклю:

Гражданин!
Спеши
на демонстрацию "Клопа".
У кассы - хвост,
в театре толпа.
Но только
не злись
на шутки насекомого.
Это не про тебя,
а про твоего знакомого.

Сегодня система русских обращений проще, чем она была до Октября и даже в первые годы Советской власти. В нашем обществе нет сословных различий, из "списка действующих лиц"

исключены такие персонажи, как барин и простолюдин, нас не волнуют чиновные ранги.

Но жизнь поразительно многогранна, различны сферы общения, чрезвычайно разнообразны отношения, в которые мы вступаем друг с другом. По-разному обращаются к девушке и молодому человеку, к детям и людям пожилым, к знакомым и незнакомым, к "своим" и "чужим", тонко чувствуя и обозначая меру близости. Нам нужны официальное гражданин и фамильярные старик, брат, браток, папаша .. Едва ли мы откажемся от интимно-ласковых мой друг, подруженька, мой милый.,. Разве не на каждом шагу требуется вежливое товарищ? И, возможно, в каких-то ситуациях бывают изредка необходимы грубые универсальные оклики: Эй!, Ты!.

В сравнении с прошлым сегодня гораздо чаще встречаются ситуации, в которых общение имеет личностный, а не формальный характер. Это важная примета нашего общества. Чрезвычайно изменился вид контактов в сфере труда, в одной из главных сфер человеческого общения. Изменился, конечно, и обслуживающий трудовую сферу речевой этикет. Исчезли специальные служебные обращения, отражавшие в прошлом сословно-бюрократическую иерархию. В принципе перестали различаться обращения "сверху вниз" и "снизу вверх". Иван Иванович! - это обращение директора завода к рабочему, это и обращение рабочего к директору.

Упростившись в одном отношении, современная система обращений оказывается очень сложной в другом - в точной и тонкой ориентации на личностные свойства собеседников. Она не стоит на месте, и в ее развитии, как это вообще характерно для

развития языка, можно заметить противоречивые тенденции, разнонаправленные процессы, взаимодействие которых и приводит к движению. С одной стороны, есть стремление, особенно заметное в молодежной среде, упростить и формы неслужебного общения, сделав, например, слово парень универсальным обозначением юноши и обращением к нему, а ты с первых минут знакомства - приметой современного молодежного демократического стиля.

С другой стороны, очень многие говорят и пишут о недостаточности средств обращения в нашей речи. Это яркое свидетельство того, насколько богато оттенками современное общение, и верная примета непрерывно идущих в этой области речевых изменений. Как не согласиться с В. Я. Канторовичем, автором интересной книги "Ты и Вы (Вчера и сегодня в условиях научно-технической революции)",, пишущим по этому поводу: "Только людям примитивного склада мышления, плохо знающим историю своего народа, равнодушным к богатству языка, кажется, что, чем проще, чем однообразнее обращение, тем "демократичнее" общество.

Ничего подобного!"

МАТЬ И МАМА

Несколько лет назад в вологодской деревне на реке Мегре спели нам старинную свадебную песню. Собрала невеста подруг и советуется, как ей жить у мужа в семье, как свекра звать и свекровь, как сестер и братьев мужа не обидеть обращеньем.

Сборы, сборы да Танины,
Велики сборы Васильевной.
Сберала подруг да за свой стол,
Сама садилася выше всех,
Клонила головку ниже всех.
Подружки мои, голубушки,
Пособите-тко подумать-погадать,
Как же мне буде в чужи люди идти,
Как же мне буде в чужих людях жить.
Как же мне буде да свекрушка звать?
Свекрушком называть - осердится,
Да батюшком назвать не хочется.
Как же мне буде свекровушка звать?
Свекровкой назвать - осердится,
Маменькой называть не хочется.
Как же мне буде деверьнча звать?
Деверьем называть - осердятся,
Братцами называть не хочется.
Как же мне буде золовушек звать?

Золовкам назвать - осердятся,
Сестрицами называть не хочется.
Прибавлю млада да спесь-гордостей:
Назову я свекра батюшком,
Назову свекровку маменькой,
Назову деверей братцами,
Назову золовок сестрицами.
За это млада да не буду худа!

Так поется в свадебной народной песне. Почему же свекра нельзя звать свекром, свекровь - свекровью, деверя - деверем, золовку - золовкой? "Осердятся",- отвечает песня. Чужая свекровь-свекровь, а своя - маменька, чужой свекор - свекор, а свой - батюшка. Из глубокой древности идет обычай особых обращений к своим родственникам и особых именований их. Мы и сегодня следуем ему, хотя не всегда замечаем это. Есть у нас слова отец и мать, но чаще своих родителей мы зовем папой и мамой. Нынешние невестки не всегда зовут свекровь мамой или маменькой, но и свекровью в глаза не величают, а обращаются к ней чаще по-другому, по имени и отчеству, например.

Такое несовпадение общих названий родственников с именованиями своих родственников и обращениями к ним характерно как для литературного языка, так и для русской народной речи.

Заметим и еще одно обстоятельство. Названия родства, видимо, в целом гораздо устойчивее, меньше подвержены изменениям, чем формы упоминания своих родственников или обращения к ним.

Это проявляется уже в том, что на огромной территории, занимаемой русским языком, названия родственников уьотребляются в основном одни и те же, а вот обращения к ним в речи жителей разных мест часто не совпадают да еще имеют нередко по нескольку вариантов в каждом говоре.

Если составить список слов, которые могут употребляться наряду со словом отец для именования родителя и обращения к нему во всех русских диалектах (территориальных разновидностях речи), он получится огромным. С 1966 г. Институт русского языка АН СССР издает сводный "Словарь русских народных говоров", в котором собраны из самых разных источников, печатных и рукописных, сведения об особенностях русских слов в диалектной речи территория русского языка. Откроем один из томов словаря, выпуск второй, на букву "Б". Посмотрим, какие слова с корнем -баг- (сравните: батя] используются в русских говорах при упоминании своего отца и обращении к нему. Это донские батяня, батяка, батаня,

батонюшка, смоленские батюнь, батяка, рязанские баша, батеня, орловское батюх, куйбышевское и донское батяня, куйбышевское батяй и известные в самых разных местах батк"ш, батюшка, батюшка. Но это, конечно, далеко не все. Б областных словарях, посвященных лексике отдельных местных разновидностей речи, а таких словарей появляется все больше, можно найти и другие формы. Например, "Псковский областной словарь" приводит еще батенька, батька, батюлька, батюша, бачка. А сколько форм не попадало в поле зрения исследователей! И ведь это слова всего лишь с одним корнем?

Отчего же существуют у нас пары типа мать и мама, отец и папа, и почему вторые члены пар так изменчивы, так разнообразны (сравните: матушка, маменька, мамаша, мамка и др.)?

Мы с вами уже знаем, как важно для говорящих различать отношения "своих" и "чужих". В сфере родства это имеет особое значение. Отец мужчина, у которого есть дети, или мужчина по отношению к сваим детям. Папа же - это не вообще чей-то отец, а отец говорящего, "мой" отец. Так я обращаюсь к нему, так я его упоминаю, когда хочу подчеркнуть нашу с ним близость. В значения слов папа, мама входит элемент "мой" или "моя".

Вы можете сказать: хорошо, в предложениях Завтра приезжает мама или Мы были на концерте с мамой говорящий действительно имеет в виду свою маму, но ведь говорят и так: Передайте это вашей маме; Я позвоню его маме. Здесь речь идет о чужих мамах. Почему же они названы словом с элементом "мой"?

Видите ли, здесь говорящий учитывает близкие отношения между собеседником или упоминаемым лицом и их родственниками, о которых говорит, выбирает слова как бы от имени собеседника или упоминаемого лица, то есть использует те слова, которые они сами могли бы выбрать в своей речи. Это делает общение доверительным, доброжелательным.

В предложениях, которые мы обсуждаем, можно употребить и слово мать: Завтра приезжает мать. Ко о чьей матери здесь идет речь? Встречается слово мать и во фразах типа Я позвоню его матери. Местоимение его точно указывает, чья мать имеется в виду, значение принадлежности в предложении остается, однако фраза делается сухой, официальной. Значит, элемент "мой"

выражает не принадлежность (не будем путать его со значением притяжательных местоимений мой, твой, свой и др.), а что-то другое. Это другое - личное, неформальное отношение говорящего к тому, о ком или о чем он говорит (вспомните, что мы узнали о формальных и неформальных отношениях в главе "О чувстве дистанции").

Официальные отношения формальны, поэтому они запрещают пользоваться именованиями с элементом "мой". Товарищу, знакомому, даже случайному спутнику можно рассказать о "маме", но в документе, например в автобиографии, речь пойдет только о "матери". Сравните: Мама - учительница и Моя мать работает учителем.

Точно так же выражение Я родился в деревушке Ивановке (вместо Я родился в деревне Ивановке) не годится для документа не потому, что размер деревни в данном случае неважен, а потому, что уменьшительно-ласкательный суффикс подчеркивает личные, неформальные отношения с адресатом речи.

Чем более личным является обращение или именование человека, тем сильнее проявляются в нем наши оценки. А слова эмоционально-оценочные одни из самых изменчивых в языке. Понятно, почему это так. Повторяясь в речи, слова делаются привычными, "стираются", утрачивают необходимую яркость, и говорящим хочется их как-то усилить, обновить. Вот и появляются все новые и новые варианты. В одной из курских деревень мы специально записывали, какие слова со значением "отец" употребляют местные жители. Оказалось, что неличное обозначение здесь одно - отец. Когда же говорят о своих отцах или обращаются к ним, звучит: тятя, тятенька, тя, папенька, пап.

Великолепно чувствовал разницу между формальными и неформальными, личными обозначениями родственников Л. Н. Толстой. В своих произведениях он не раз использовал эту особенность речи, глубоко ракрьпзая ее важный смысл и точно передавая связанные с ней чувства и тончайшие оттенки поведения людей.

В повести "Детство" есть волнующий эпизод поздравления бабушки. Николенька решил сочинить к ее именинам поздравительные стихи. Потрудившись, он написал их. Заканчивалось поздравление так:

...Стараться будем утешать

И любим, как родную мать.

Последний стих и особенно слово мать оставляли у Николеньки неприятное чувство. Он даже пробовал подобрать другую рифму: играть, кровать... Перечитав стихи еще раз, Николенька как ему показалось, уже яснее уловил, в чем тут дело: "Зачем я написал: как родную мать? ее ведь здесь нет, так не нужно было и поминать ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все же она не то... зачем я написал это, зачем солгал? Положим, это стихи, да все-таки не нужно было". Быть может, в следующую минуту Николенька еще лучше понял бы, что в стихах плохо, однако его размышления были прерваны. Пришел портной,

радость от впервые надетого взрослого платья отвлекла Николеньку, и он снова вспомнил о неудачной строчке только тогда, когда бабушка уже держала в руках его поздравление. Но скрытое движение в душе Николеньки не прерывалось, работа завершилась, мысль стала отчетливой: "Я не мог прийти в себя от мысли, что вместо ожидаемого рисунка при всех прочтут мои никуда не годные стихи и слова: как родную мать, которые ясно докажут, что я никогда не любил и забыл ее". Это уже совсем другое: теперь Николеньку волнует не ложь по отношению к бабушке, а страшное отдаление от матери, которая оказалась вдруг чужой, забытой. И доказательство бесчувственности, в которой он обвиняет себя,- слово мать. Ведь его мама это мамаша, матушка, маменька! Мать же - лицо чужое и далекое.

Вполне ли понятна вам тревога Николеньки? Испытывали ли вы когда-нибудь подобное? А как вы обращаетесь к своим маме, папе и как называете их в беседе с другими?

В романе "Война и мир" Толстой ввел нас в круг семьи Ростовых. Старого графа Илью Андреевича Ростова дети зовут папенькой, и это слово хорошо выражает доверительную близость и эмоциональность в отношениях родителей и детей. Со старшим сыном Николаем происходит несчастье: он проиграл в карты огромную сумму и знает, что это ставит семью в очень трудное положение. Вот сцена объяснения Николая Ростова с отцом.

Обратите внимание на то, как с помощью обращений папа и папенька, начинающих и заканчивающих диалог, автор "Войны и мира" достигает удивительной точности в передаче состояния Николая. Холодноватым папа, принятым в аристократических семьях, но необычным у Ростовых, Николай пытается придать разговору ту меру приличной отчужденности, которая не позволит коснуться истин!, о го значения проигрыша для близких и при которой проигрыш можно представить хотя и неприятным, но обычным событием.

"Эх, неизбежно!" - подумал Николай в первый и последний раз. И вдруг самым небрежным тоном, таким, что он сам себе гадок казался, как будто он просил экипажа съездить в город, он сказал отцу:

- Папа, а я к вам за делом пришел. Я было и забыл. Мне денег нужно.

- Вот как,- сказал отец, находившийся в особенно веселом духе.- Я говорил тебе, что недостанет.

Много ли?

- Очень много,- краснея и с глупою, небрежною улыбкой, которую он долго потом не мог себе простить, сказал Николай.- Я немного проиграл, то есть много, очень даже много, сорок три

тысячи.

- Что? Кому?.. Шутишь! - крикнул граф, вдруг апоплексически краснея шеей и затылком, как краснеют старые люди.

- Я обещал заплатить зявфа,- сказал Николай.

- Ну!.. - сказал старый граф, разводя руками, и бессильно опусшлся на диван.

- Что же делать! С кем это не случалось,- сказал сын развязным, смелым тоном, тогда как в душе своей он считал себя негодяем, подлецом, который целою жизнью не мог искупить своею преступления.

Ему хотелось бы целовать руки своего огца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым юном говорил, что это со всяким случается.

Граф Илья Андреич спустил глаза, услыхав эти слова сына, и заторопился, отыскивал что-то.

- Да, да,- проговорил он,- трудно, я боюсь, трудно достать... с кем не бывало! да, с кем не бывало...- И граф мельком взглянул в лицо сыну и пошел вон из комнаты... Николай готовился на отпор, но никак не ожидал этого.

- Папенька! п а .. . п е н ь к а! - закричал он ему всг.ед рыдая,простите меня! - И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал.

Слова мать, отец, свекор, свекровь и подобные им обозначают степени родства и людей но их родственным отношениям, но в отвлечении от говорящего, формально. Слова же мама, папа, батюшка, матушка выражают его родство вместе с теми особыми отношениями близости и уважения, которыми оно сопровождается.

Мать - прекрасное слово, но как хорошо, что есть в русской речи и слово мама.

О СЕБЕ И О ДРУГИХ

Как вы подписываетесь в конце своих писем? Наверное, уменьшительным именем (Лена, Наташа, Витя, Леша), если это письмо друзьям или близким родственникам, например бабушке. Ваша подпись - это самоименование, то есть имя, которым вы сами себя называете адресату. Письмо в газету, на радио или в редакцию телепередачи так подписать, конечно, нельзя. В самоименование непременно нужно включить фамилию (Лена Соловьева, Витя Васильев и т. п.) и слова, которые показывают, в качестве кого вы пишете, как понимаете свою роль: ученица VII класса, постоянная ваша читательница, председатель совета дружины или что-то подобное.

У взрослых типы самоименования в конце письма разнообразнее. Письма близким они подписывают обычно, как и

вы, своим уменьшительным именем или тем словом, которым обычно обращаются к ним адресаты: папа, мама, тетя Оля, бабушка. В конце письма не близкому человеку взрослый проставляет инициал своего имени и фамилию, в случаях официальных - указывает и свое занятие, должность, профессию, звание. Часто к подписи добавляют слова, которые прямо выражают отношение к адресату: Ваш, Уважающий Вас, С уважением и другие.

С помощью самоименования мы, с одной стороны, показываем адресату, с кем он имеет дело, а с другой стороны, регулируем с ним отношения, то есть пользуемся самоименованием как этикетным знаком.

Давайте откроем томик с письмами А. С. Пушкина. Как поэт подписывал их?

Пушкин.

А. Пушкин.

А. П.

Это письма друзьям: П. А. Вяземскому, К. Ф. Рылееву, А. А. Бестужеву, А. А. Дельвигу, Н. И. Гнедичу... Но чаще всего подписи нет вообще. Не подписана и большая часть писем брату Льву.

Вот подпись-шутка. Посылая Льву свои стихи, Пушкин "потчует" его в конце письма еще несколькими эпиграммами и, вспоминая "Демьянову уху", заканчивает так: "покушай, пожалуйста.

Прощай, Фока, обнимаю тебя, твой друг Демьян".

Чем ближе адресат, тем меньше надобности в соблюдении правил этикета.

Почти все письма Пушкина к лицейскому другу Михаилу Лукьяновичу Яковлеву подписаны (вернее - не подписаны) так же, как и письма к остальным друзьям. Но вот письмо ему от 3 июля

1834 г.:

Милостивый государь

Михайло Лукьянович,

Вследствие данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием "История Пугачевского бунта", и по личному моему с Вами о том объяснению, поспешаю Вас уведомить...

Далее речь идет о формате издания, тираже, бумаге, шрифте. М. Л. Яковлев - начальник типографии, где должна печататься "История Пугачевского бунта", и, следовательно, адресат этого официального письма уже не друг, а некое служебное лицо. Общему тону соответствует и пушкинская подпись:

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

Удивительно бесстрастны своим строгим соответствием официальной форме пушкинские подписи в письмах "милостивому государю Александру Христофоровичу" (шефу корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфу):

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Александр Пушкин.

У Пушкина трнкое чувство ситуации отражалось даже в почерке. "Садясь за писание, Пушкин всегда знает, в каком ключе поведет его перо ряды букв,пишет исследователь творчества поэта А. М. Эфрос.- Его автографы легко классифицируются.

Можно сказать, что у него две категории почерка и четыре вида.

Первая категория - творческая, вторая - светская. В первой категории два вида: черновой и беловой; во второй тоже два:

интимный и официальный... Почерк его писем к людям своего круга, к жене, брату, друзьям, приятелям - небрежно-естественен, но с чуть заметным манерничаньем, с тем своеобразным выражением пафоса дистанции, которого он не терял никогда и ни к кому... Наконец, последняя манера: холодный, заставляющий нас ежиться, змеиный блеск его официальных автографов, посланий к Бенкендорфу и т. п.- с их абсолютной выписанностью, парадной отточенностью штрихов и завитков, условной фальшью графического церемониала, торжеством казенного писания над человеческой письменностью,почерк в мундире и в орденах".

Важность этикетного содержания, которое передается самоименованием, требовала выработки обязательной его условной формы. Например, упоминая себя в письмах господам, люди низших социальных групп России XV-XVII вв., как хорошо показано советским исследователем С. С. Волковым, придавали самоименованиям уничижительную форму: бобылишко, крестьянишко, человечишка, атаманишко, людишки, подьячишка, старостишко, Митька, Игнашка, Федька... Кроме того к самоименованию следовало прилагать определение-регулятив, которое либо тоже выражало общую приниженность, покорность, либо точно обозначало тип зависимости: "холоп твой (ваш) - у служилых людей разных сословий, сирота твой (ваш) - у крестьян, раба (сирота) твоя (ваша) - у женщин в зависимости от отношения

к сословию".

13 ноября 1709 г. крестьяне деревни Изосемлева писали своим господам:

Государю Анисиму Ивановичу и государыне Перасковье Ивановне бьют челом и плачутся сироты ваши нижегородския вашея вотчины деревни Изосемьлева крестьянишка. Милости у вас, государей своих, просим.

Ныне мы, сироты ваши, раззорились вконец. Села Борисовского помещи(к)и Иван Яковлевич Новосельцев да Иван Федорович Чемоданов лугов нам не дают тому шесть лет, а ныне они, борисовские, нас, сирот ваших, и в лес не пущают ни по што не доколе што, нам в лесу и дубца срубить не велят. А что приказал ты, государь, нам поверстаться с кусаковскими крестьянеми землею и лугами, и мы с ними поверстались и в кусаковский лес ездили год, а ныне нас в кусаковский лес не пущают, и Михайло Михайлович Пантов нам, сиротам твоим, сказал, что в лес-де, крестьяне, не ездите, велю-де лошадей отнимать...

В письме четко соблюдается этикет самоименования (крестьянишка, сироты ваши), нигде не пропускаются почтительные регул яти вы при упоминании господ (у вас, государей своих; ты, государь); характерной определенности феодальных отношений соответствует строгая системность отражающих эти отношения средств этикета.

Самоименование может выражать не только зависимость от адресата, но и обратное отношение. Такова, например, форма мы вместо я, которая употреблялась в царских указах ("Божиею Милостию Мы Александр Первый, Император..."). Эта форма правительственного мы появилась, как считают ученые, впервые в декретах римского государства, возглавлявшегося несколькими правителями, затем она стала традиционньш самоименованием при обращении царствующей особы к подданным. Под ее влиянием появилась и замена местоимения единственного числа ты на местоимение вы при адресации речи сначала правителям, а потом вообще и всякому уважаемому лицу.

Этикетное содержание может передаваться не только обращением и самопг.тенованием, но и именованием третьего лица, упоминаемого, но не участвующего непосредственно в акте речи.

Вот фрагмент сообщения, напечатанною одной из наших газет:

...в гор. Кинешме Ивановской области Кульков и ранее судимый Марков, находившиеся в нетрезвом состоянии, угнали две автомашины ГЛЗ-51. Для задержания преступников была

направлена оперативная группа работников милиции, в которую входил старший сержант милиции С. А. Новиков. При преследовании работники милиции через громкоговорящую установку предложили Кулькову и Маркову остановиться.

Однако они не подчинились, а, наоборот, увеличив скорость, выехали на многолюдную улицу и создали опасность для проходящего транспорта и пешеходов.

Рискуя жизнью, тов. С. А. Новиков на большой скорости выпрыгнул из своей автомашины и перебрался на подножку преследуемой машины. Преодолевая сопротивление Кулькова, который пытался столкнуть его с подножки, С. А. Новиков сумел остановить машину и задержать преступника. Вскоре был задержан и Марков.

Заметьте, как последовательно по-разному именуются С. А. Новиков и преступники Марков и Кульков. Первый - постоянно с именем и отчеством, вторые - только по фамилии. В русской стилистике нет правила, по которому упоминать преступника следовало бы непременно без указания имени и отчества, но есть тенденция не называть по имени и отчеству тех, к кому мы относимся отрицательно.

Конечно, этикетные значения разных способов именования людей условны и изменчивы. Сравним, например, как указывают авторов в современных литературно-художественных журналах и как это делали журналы первой половины XIX в.

Вот московский "Российский музеум, или Журнал Европейских но?остей, издаваемый Владимиром Измайловым". Во второй его части за апрель - июнь 1815 г. напечатаны "Воспоминания в Царском селе" А. С. Пушкина, ими открывается раздел "Стихотворения". В оглавлении ни один автор не указан, перечислены лишь названия произведений. Под текстами есть подписи, но как по-разному они сделаны! Александр Пушкин, Воейков, Жуковский, В. Пушкин... Помещенная здесь же эпиграмма подписана так: ийший. Напрасно мы станем искать фамилии авторов и в оглавлении, например, "Невского зрителя" за сентябрь 1820 г.

Обозначены разделы "История и политика", "Нравы", "Изящная проза", "Стихотворения", показано содержание разделов, но авторы представлены лишь подписями под публикациями: сказка "Сара, или Недовольная красавица" в разделе изящной прозы подписана: Орест Сомов (с фр.), под "Письмом о поэзии" стоит:

Граф Хвостов. Дмитрий Иванович Хвостов - писатель, более известный сегодня по посвященным ему сатирическим строкам А. С. Пушкина и других его современников, чем собственными

произведениями. Граф Хвостов. Без инициалов, с указанием одного лишь титула.

В первом томе "Современника", основанного А. С. Пушкиным в 1836 г., мы найдем произведения самого Пушкина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя. В оглавлении авторы уже указаны. Это подписи, вынесенные в перечень произведений:

"Ночной смотр" Жуковского, "Роза и кипарис" Кн. Вяземского, "Путешествие в Арзрум" А. Пушкина, "Коляска" Я. Гоголя...

"Пир Петра Первого" помещен без указания автора, а "Скупой Рыцарь" подписан лишь инициалом Р.

Все это совершенно в духе литературных правил времени.

Авторская подпись может отсутствовать, заменяться криптограммой или псевдонимом. Как писал В. Г. Белинский в одной из рецензий 1831 г., "причина подобного способа давать о себе знать заключалась в нежелании автора быть известным под собственным именем,- по скромности ли то было, или по не слишком высокому понятию о литературной арене, или по каким другим уважениям". "Других уважений" могло быть очень много, и одно из важнейших заключалось в том, что подпись была выраженьем "образа" автора, то есть элементом художественным. Со временем авторская подпись принимает все более личный характер. Избранный по той или иной причине псевдоним теперь уже нередко перерастает в личное имя автора или совершенно сливается с ним (сравните: М. Горький, Д. Бедный, Константин Симонов и т. п.). Но условность приема обозначения автора остается и получает достаточно определенное этикетное содержание.

Допустим, что в оглавлении современного литературно-художественного журнала мы заметили среди авторов Леонида Соколова, Л. Соколова, Л. Н. Соколова. Что можно о них сказать, судя по способу подачи имени? Ни у кого, видимо, не возникнет сомнений в том, что Леонид Соколов - лицо творческой профессии.

Скорее всего, он поэт, но, возможно, писатель-прозаик, публицист или художник, актер, режиссер, музыкант... Л. Н. Соколов, вероятно, поместил в журнале статью сугубо научного содержания и желает, чтобы читатель именно так ее и воспринимал. Это обозначение, лишенное артистизма, перед нами не образ, а конкретное лицо, представляющееся к тому же серьезно, с достоинством. Так подают авторов научные издания. Если мы заглянем на страницу, где обычно указаны художественный и технический редакторы журнала и его корректоры, то там почти всегда найдем лишь Л. Н. Соколова или Л. Н. Соколову. Леонид Соколов был бы здесь совершенно

неуместен.

А вот об Л. Соколове сказать что-либо трудно. Это наиболее распространенное в современных газетах и журналах (не научного характера) обозначение автора и вместе с тем самое неопределенное.

Как мы убедились, самоименование, обращение и именование тех, кого мы упоминаем, всегда содержат в себе важный этикетный смысл. Поэтому они тесно связаны между собой и составляют одну группу средств этикетного варьирования речи. Однако надо помнить, что ни одно этикетное средство не выступает в речи совершенно самостоятельно, отдельно от других. Произнести формулу вежливости - еще не значит сделать свое высказывание доброжелательным. Если интонация, какие-то другие вербальные или невербальные стороны поведения имеют противоречащий этой формуле смысл, получится как в знаменитой фразе Присыпкина:

"Не ваше собачье дело, уважаемый товарищ".

Но пусть не смущают вас количество и сложность связей этикетных средств нашей речи. Будьте приветливы и доброжелательны, старайтесь понять свои отношения с людьми, прислушивайтесь к своему чувству дистанции, и все у вас, несомненно, будет получаться правильно.

ТЕМ, КТО ДОЧИТАЛ ДО КОНЦА

Мы старались показать читателю, что такое речевой этикет, раскрыть богатство этикетных возможностей русской речи и их своеобразие в сравнении с этикетными средствами других языков, пытались сделать ясной роль этикета в общении. Но одного лишь теоретического знания этикета, конечно, мало. Без прочных навыков этикетного поведения нет культурного человека.

Тому, кто понял, как важно владеть системой этикета, осваивать его нужно прежде всего практически, в живом общении, которое непрерывно совершается вокруг нас и с нашим участием.

А прочитанное может помочь стать более внимательным, научиться видеть в общении не только то, что лежит на поверхности, точнее оценивать ситуации и действия в них людей. Книга показывает, за чем полезно наблюдать, над чем в человеческом общении стоит подумать.

Нас поражает необъятность вселенной, захватывают бесконечные тайны микромира, увлекают задачи и достижения техники, интересует очень многое. Но самое интересное для человека - это люди, их отношения, мысли, чувства. Человеческая тема буквально пронизывает речь. О чем бы мы ни говорили, какие бы тексты ни строили, любое высказывание рассказывает и о своем авторе, о том, на кого оно рассчитано, об их отношениях,

рассказывает о нас с вами. И часто эта скрытая тема речи важнее темы явной, выступающей на первый план. Учиться воспринимать речь полно, со всеми ее сторонами очень помогает чтение хорошей художественной литературы - чтение неторопливое, вдумчивое, доставляющее радость постижения мысли автора.

Конечно, эта небольшая книжка сообщает об этикете и речи в общении далеко не все, что было бы полезно знать. Возможно, вам захочется почитать что-то еще. К сожалению, книг на эту тему пишется для школьников немного, а специальные работы часто трудны для понимания. Поэтому список литературы, которую мы рекомендуем, невелик. Но есть научно-популярный журнал "Русская речь" (его с 1967 г. издает Институт русского языка Академии Наук СССР), в котором уже опубликовано и постоянно публикуется немало увлекательных статей, заметок об этикетной стороне речи. Читаете ли вы его?

В рекомендательный список включены книги о культуре русской речи (Б. Н. Головина, Л. И. Скворцова, К. И. Чуковского), поскольку речевой этикет есть одна из сторон общей речевой культуры, книги о культуре поведения (В. Матвеева и А. Панова, В. А. С ухо мл и некого), а также статьи и книги, целиком или частично посвященные речевому этикету.

Возможно, не все мысли автора показались вам в равной мере понятными. Есть у вас, конечно, и собственные наблюдения, связанные с темой книги. Может быть, возникли вопросы, предложения. Автор и редакция будут рады узнать ваше мнение о прочитанном и заранее выражают благодарность.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М., 1978.

В книге подробно описаны современные правила русского речевого поведения в важнейших этикетных ситуациях: при знакомстве, встрече, прощании, поздравлении, извинении, при выражении соболезнования и т. д. Книга построена как учебник и справочник одновременно, в ней много примеров и упражнений, поэтому ее удобно использовать для самостоятельного изучения этикета. Очень интересным можег быть коллективное обсуждение книги или отдельных ее глав в классе, на заседании кружка.

Акишина А. А., Формановская Н. И. Этикет русского письма. М., 1981.

Этикетные нормы письменной речи намного строже этикетных норм речи устной, и правильно составить письмо бывает не всегда легко, особенно если оно адресовано не близкому человеку. Немало трудностей вызывает, например, выбор уместного начала письма и наиболее подходящей ею

концовки Изучив большое число современных русских писем, авторы книги в простой, ясной форме рассказали о главных этикетных правилах, которым подчиняется построение русского письма Знакомство с книгой полезно всем, кого интересует культура современной русской речи и кто старается быть внимательным к окружающим его людям В а л е е в Г. К. "Наши вичи едят одни калачи". - Русская речь, 1981, No 1.

Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. Горький,

1979.

Речевой этикет - одно из проявлений культуры речи, тесно связанное со всеми другими ее сторонами, поэтому для интересующихся речевым этикетом важно разобраться в том, из чего складывается культура речи в целом, что значит "говорить правильно", как работать над улучшением своей речи, на что следует обращать внимание в первую очередь. Главным проявлениям культуры современной русской речи и посвящена рекомендуемая книга.

Коготкова Т. С. Как обратиться к родителям (об автома-- тизме речи).Русская речь, 1981, No 1.

К р ы с и н Л. П. Язык в современном обществе. М., 1977.

В книге, адресованной учащимся VIII-X классов, есть глава "Речевое общение" и в ней специальный раздел "Русский речевой этикет"

Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира.

М., 1981.

Книга содержит увлекательный рассказ о строении языков разных типов, о сходном и особенном в них. Специальная глава книги посвящена речевому этикету.

Л о т м а н Ю. М. Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин".

Комментарий. Л., 1983.

Адресованная учителю, эта книга написана так просто, что легко будет понята и восьмиклассником, читающим роман А. С. Пушкина. В книге собрано и объяснено множество фактов русской жизни первой половины XIX века.

Читатель, интересующийся этикетом, найдет здесь прекрасный материал для размышлений.

Матвеев В., Панов А. В мире вежливости. М., 1976.

Среди множества книг о культуре поведения эта выделяется тем, что написана специально для школьников. Ее авторы увлекательно рассказывают об особенностях вежливого поведения именно в тех ситуациях, в которых постоянно общаются ребята школьного возраста Скворцов Л. И. Культура языка - достояние социалистической культуры. М., 1981.

В книге для внеклассного чтения старшеклассников рассказано о речевой культуре как важнейшей части культуры социалистического общества В главе о культуре речи современной молодежи автор выступает против уродования языка жаргонными элементами, за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка.

Сухомлинский В. А. Потребность человека в человеке.

М., 1981.

Замечательный советский педагог и ученый Василий Александрович Сухомлинский обращает книгу молодым людям, серьезно задумывающимся над собственным характером и своим местом в жизни. С глубоким уважением и принципиальной требовательностью к молодому читателю автор беседует с ним о том, как воспитать самого себя, доверяет ему сокровенные мысли о человеческих отношениях, показывает, насколько необходимо этикетное общение и как важны знаки доброжелательного отношения к людям.

Успенский Л. В. По дорогам и тропам языка. М., 1980.

Научно-популярные книги Л. Успенского о языке "Слово о словах", "Ты и твое имя" и другие широко известны Языку посвящена и эта книга. Среди множества "дорог и троп языка", по которым путешествует с читателями автор, есть и "дорожка", ведущая к тайнам речевого этикета. Рекомендуем пройти по ней.

Формановская Н. И. Речевой этикет (цикл статей).- Русская речь, 1979, No 4; 1980, No 2, 3, 5, 6.

Формановская Н. И. Вы сказали: "Здравствуйте!" (Речевой этикет в нашем общении). М., 1982.

Формулы речевого этикета типа "Здравствуйте!" известны всем, но большинство из нас пользуется ими почти автоматически, не очень вдумываясь в их смысл и тем более - в их форму. Рекомендуемая книга объясняет читателю сложный механизм этикетного общения, помогает понять его содержание, обостряет чувство языка, сообщает множество полезных сведений о "ты"- и "вы"- общении, о принятых этикетных формулах, об их месте в нашей речи

Химик В. В. Речевой этикет и местоимение "он".- Русская речь, 1981, No 3.

Чуковский К. И. Живой как жизнь. О русском языке. М, 1966.

К И Чуковский писал, что главная задача книг о языке, созданных в жанре занимательной лингвистики,- научить читателя "думать о родной речи", о ее "красотах, причудах и принципах" Эту цель преследует и его книга "Живой как жизнь" Делясь с читателями глубокими мыслями о жизни русского языка, обсуждая его "мнимые болезни и - подлинные", писатель

уделяет много внимания тому, как культура языка связана с общей культурой человека, как люди выражают себя в языке, почему говорят так, а не иначе Школьникам, несомненно, будут интересны и тонкие наблюдения писателя над особенностями молодежной речи.